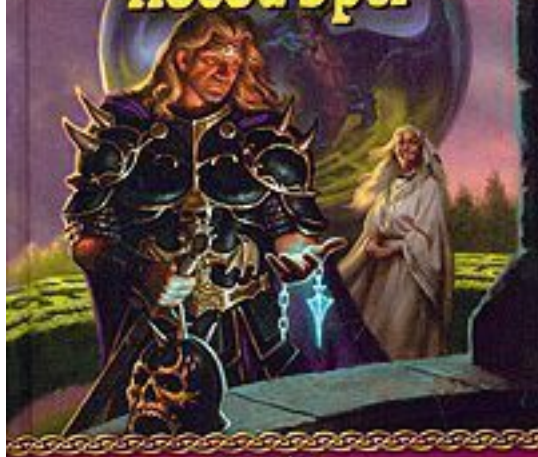

Рассвет

Новой Эры

АЖИОН
Рейб

Джейн Рейб
Рассвет новой Эры
Серия «Драконы Новой эры», книга 1

Скан – Vako
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157088
Рассвет новой Эры: Максима; 2004
ISBN 5-94955-022-6
Оригинал: JeanRabe, “The Dawning of a New Age”
Перевод:
Екатерина Анатольевна Коротнян

Аннотация

Битвой с Хаосом и уходом Богов магии завершился Четвертый Век истории Кринна, именуемый Веком Отчаяния. Таинственный взрыв, уничтоживший Башню Высшего Волшебства в Палантасе, и прибытие на Ансалонский континент страшных драконов-завоевателей возвестили наступление Века Смертных. В мрачном ожидании грядущих невзгод жители Кринна встретили РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ.

Содержание

Прыжок в бездну	4
Шторм над Ансалоном	8
Бездна	12
Потомок	14
Видение	20
Хозяин башни	26
Пришествие Малистрикс	34
Битва драконов начинается	53
Совет магов	75
Драконьи слёзы	86
Призыв	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Джейн Рейб

Рассвет новой Эры

(Драконы Новой эры-1)

Прыжок в бездну

Палин стоял возле разрушенного алтаря посреди горелого леса. Юноша был высок и строен, словно одна из тех подпаленных, но тянувшихся к жизни березок, что окружали его. Под мышкой он держал посох, увенчанный серебряной чешуей в виде драконьего когтя. Полы белого одеяния хлестали его по ногам при сильных порывах ветра. Длинные каштановые волосы назойливо лезли в глаза, а он все не мог оторваться от книги, которую бережно держал в ладонях, и не убирал с лица непослушные пряди.

Красный кожаный переплет книги потрескался и выцвел, напоминая розовые тени Лунитари – луны, сиявшей сейчас в небе, той самой, что называли в честь Богини магии, одной из тех, которым поклонялись на Крине. Книга излучала магию. Палин чувствовал ее: в тонких пальцах ощущалось покалывание, они заряжались таинственной энергией, которая поначалу от него ускользала, а теперь пульсировала в такт биению его сердца.

Золотые буквы на переплете едва проступали. «Магиус» — только и сумел разобрать Палин.

Единственное попятное слово — имя величайшего воина-чародея Крина — свидетельствовало о важности книги. Древний фолиант был самым ценным в коллекции магических книг, хранившихся в Вайретской Башне. Палин знал, что этот том никогда прежде не покидал пределов священного здания, это произошло только теперь, когда возникла отчаянная необходимость прибегнуть к заклинаниям, занесенным в ветхую книгу. Но хватит ли их, чтобы противостоять Хаосу, который обрел свободу благодаря Серой Драгоценности и теперь угрожал уничтожить весь мир? И сумеет ли он, Палин, поднявшийся чуть выше простого ученика, пробудить магические силы и направить их против всемогущего Божества, что свирепствовало сейчас в Бездне?

Несколько минут назад Рейстлин, стоявший рядом, передал магическую книгу в руки Палину. Тем самым он выразил огромную веру в то, что его молодой племянник сумеет мудро использовать содержащиеся в ней заклинания. По сравнению с дядей Рейстлином и другими уважаемыми и могущественными чародеями Крина Палин казался себе неопытным юнцом. В отличие от них ему до сих пор не приходилось приносить жертвы ради магии, хотя сейчас перед ним стояла задача, способная с лихвой восполнить этот недостаток: она могла оборвать его молодую жизнь. Я готов, — сказал он Рейстлину и мысленно добавил: «Я готов принести себя

в жертву».

Чародей в черном плаще кивнул и отступил. Аша, воспитанница племени эрдов, собралась, было что-то сказать, но ее слова заглушил завывавший с новой силой ветер. Мощный порыв подхватил Палина и поднял над пологом леса, словно невесомый лист, унося прочь от родной стороны, от Рейстлина и золотоглазой красавицы Аши. Палин плыл в вышине, как марионетка, подвешенная на невидимых нитях. Его нещадно трепал бушующий ветер, и все краски леса – белые березы с зеленой листвой, черные обугленные ели – слились в круговорот бликов и размытых пятен. А уже через мгновение ветер стих, и Палин почувствовал, что падает, будто кто-то обрезал нити. Все звуки вокруг стихли, он слышал лишь биение собственного сердца. Какая-то неведомая сила затягивала его в бездонный глухой омут подрагивавших и танцевавших искр, которые, попадая на его кожу, жалили, словно ТЫСЯЧИ прожорливых насекомых.

Через несколько бесконечно долгих мгновений жжение прекратилось, осталось только легкое покалывание от укусов на лице и руках, продолжавших сжимать книгу. Но падение все еще длилось.

Перед глазами мелькали цветочные пятна: бело-зеленые березы и обугленные ели сменились алыми красками Луни-тари, золотом чарующих глаз Аши, серебристой сединой волос дяди Рейстлина. Красный, золотой и белый слились в одну нить, как на прялке, силой магии, которая проносила сей-

час Палина сквозь измерения в тот план Бытия, что именуется Бездной.

Палин заморгал, и краски вновь сменились, превратившись на миг в ярко-голубое пятно, которое расплылось и мгновенно съежилось, словно нечто огромное и живое вдохнуло и выдохнуло. А потом голубой цвет перетек в дымчато-серый, напоминавший влажный и тяжелый туман. Длинные серые завитки, словно пряди волос старика, потянулись к Палину, обвили и стянули его лодыжки и запястья, опоясали талию и потянули дальше, вперед, в пугающую пустоту. Вверху и внизу – повсюду – был только этот серый цвет, этот вечный туман, лезший в глаза и уши, этот туман, уносивший его к Хаосу и, возможно, к собственной гибели.

Шторм над Ансалоном

В Найтлунде, далеко от владений племени эрдов, густой туман нависал над поляной с высокой травой и одновременно стремился вырваться за полог густого леса. Молочно-белые клочья обвили стволы дубов-старожилов, отчего казалось, что деревья еще плотнее обступили широкую поляну.

Внизу туман совсем сгустился, практически скрыв все неровности земной коры на пути к горизонту, где сомкнул свои объятия вокруг кольца древних камней.

Туман никогда не покидал этого кольца, отметившего место, где находилось сердце Найтлунда. Ни солнечные лучи, ни самый яростный ветер не могли его рассеять. Он был частью древней неистощимой магии, силы которой пробились сквозь резные камни, растекаясь далеко за пределы Крина – в иные измерения и другие миры. Туман скрывал каменное кольцо от любопытных глаз, храня его для тех немногих избранных, кто был посвящен в тайну Врат. Стоило такому избраннику воспользоваться кольцом, как туман начинал поблескивать – совсем как сейчас.

Внутри кольца, образованного каменными глыбами, искрились и переливались золотые и синие искры, то гасшие, то вспыхивавшие снова. Синий цвет наполнял собой все пространство круга, а золотые искры сливались, образуя огромные шары, прорывавшие клубы тумана наподобие сиг-

нальных огней.

Вот я и дома, – прошипел странник. – А скоро, очень скоро, Китиара, я и тебя верну домой.

Странник оттолкнулся от земли толстыми синими лапами и взмыл над кольцом, над туманом, выше лесного полога, в подернутое сумерками безоблачное небо Найтлунда.

Он взмахнул мощными крыльями только раз и уже парил в вышине. Изогнув длинную чешуйчатую шею, он втянул дрожавшими ноздрями, похожими на две пещеры, пьянящий запах земли.

Синий дракон был огромным, исполинским древним чудовищем. Каждая из его чешуй была размером с рыцарский щит, но все они лежали гладко, не топорщились, и казалось, будто тело его покрыто расплавленными сапфирами. Змеевидный хвост неспешно извивался, играя.

– Китиара, наконец, я тебя нашел! – взревел дракон. – Какое счастье спустя столько лет вновь дотронуться до тебя! – Он откинул голову, и из глубины его чрева донесся ликующий рокот. Дракон широко разомкнул гигантские челюсти, между его клыками промелькнула вспышка молнии и, вырвавшись наружу, полетела высоко в небо, устремившись к Лунитари. – Скоро, Китиара, мы снова будем вместе!

Теперь дракон неистово забил крыльями, разогнав весь туман, кроме того, что навечно прилип к поляне. Он щелкал челюстями и ритмично размахивал хвостом, закрыв глаза. Уже через секунду откуда-то появились тучи и, сгрудившись,

закрыли собой алую луну. Тучи быстро почернели, потяжелели, налились влагой.

Из драконьей пасти вырвалась еще одна молния и вонзилась в самую большую тучу. Небо не осталось безучастным, и на землю полетели тысячи молний, задевая в хаотичном танце верхушки деревьев.

Вот одна из них ударила в крыло дракона, перепрыгнула ему на спину и игриво заскакала по усеянному пластинами хребту. Молния с треском поднялась по его шее и серебристым рогам, а затем метнулась к кончику хвоста и засверкала на массивных ляжках. Потом еще одна молния ударила в него, и еще одна. Дракон наслаждался приятным покалыванием. Он был повелителем молний.

Прикрыв в экстазе веки, он заревел, и этому реву вторило эхо оглушительного грома. Потом начался дождь, обрушившись на шкуру дракона и окутанное туманом кольцо из древних камней, сложенных далеко внизу. Чудище взлетело еще выше, под самые облака, вновь и вновь извергая огненные молнии. Вспыхивая, они освещали его и отражались в омытых дождем чешуях, превратившихся в зеркала, отчего дракон весь светился.

Дракон хлестал хвостом, словно кнутом, и в ответ гроза становилась все яростнее, дождь лил потоками, колотя по деревьям и приминая траву.

Потоп усилился, когда дракон завис прямо над каменным кольцом, все еще скрытым неизменным магическим туманом.

ном, но только не от его глаз.

– Слушайте все – завыл он, подобно ураганному ветру. – Келлендрос, Хозяин Врат... Келлендрос, Шторм над Ансалоном... вернулся! Келлендрос, которого Китиара когда-то звала Скаем, вернулся домой.

Гром и молнии сотрясали землю, дождь лупил по деревьям, небо почернело, как ночью.

Бездна

Палин упал. Сквозь расступившийся туман он увидел, что лежит на голом каменном полу огромной, как ему показалось, пещеры. В воздухе стояла духота и зловоние. Высоко над головой юноши под самым потолком куда-то стремительно неслись десятки рыцарей верхом на драконах. До Палина доносился шум битвы, слабые крики умирающих, громкие команды и свистящее дыхание драконов. Где-то впереди находился сам Хаос.

Зной обжег легкие Палина. В пещере было трудно дышать, нестерпимый жар преодолевал каменную толщу и проникал до самых пяток сквозь кожаные подошвы ботинок. Палин с трудом сглотнул и бросил взгляд себе на руки, проверяя, не потеряна ли книга. Все это время он сжимал заветный том так крепко, что у него онемели пальцы. Книга была на месте, и волшебный посох тоже не пропал.

Следующие несколько секунд погрузили молодого мага в сплошной сумбур. Перед его глазами начали разворачиваться обрывки отдельных событий, как в ночном кошмаре. Он заметил у себя над головой своего кузена, Стила Светлого Меча, верхом на синем драконе. Не успел Палин сделать ему знак рукой, как уже сидел за спиной у молодого Рыцаря Такхизис, Владычицы Тьмы. Дракон замахал крыльями, унося Палина и его двоюродного брата к Хаосу, Отцу всего и Ни-

чего.

– Нам нужно всего лишь ранить его, – прошептал Палин Стилу.

А в следующий миг он снова стоял на земле, а вокруг бушевала битва, море людей и драконов, крови и пламени заполнял все пространство вокруг гигантской фигуры Хаоса.

Откуда-то на самом краю поля битвы появилась Аша, а с ней Тассельхоф. Палин заметил их краем глаза, когда оторвал взгляд от книги. Его губы произносили последние слова заклинания, когда их взгляды встретились. Хаос сбросил вниз дракона, словно муравья, и чудовище рухнуло с высот прямо на Палина.

Чародей получил сокрушительный удар хвостом в грудь, книга и посох выпали у него из рук, его окатила внезапная волна холода, а затем всех рыцарей и драконов, Хаос и его самого поглотила крошечная тьма.

Потомок

Песок приятно грел когтистые лапы твари, которая плелась по пустыне на северо-запад, в сторону от заходившего солнца.

Некоторое время назад это создание получило строгий приказ, потому и брело сейчас посреди бесконечной пустыни. Оно должно было разыскать сторонников своей госпожи – синих драконов, устроивших в этой жаркой стороне свои логова, а также созданий рангом пониже, вроде него самого, тоже обитавших здесь. Если бы им удалось встретиться, то они тотчас отправились бы в Бездну, где затевалась битва.

Но существо получило приказ много часов назад, накануне вечером, и к этому времени успел потерять всякую связь со своей госпожой, Владычицей Тьмы. Это существо больше не чувствовало могущественного присутствия Такхизис. Не зная, как поступить, оно продолжало тупо идти вперед, с наслаждением ступая по горячему песку.

Существо передвигалось вертикально, подобно человеку, но больше напоминало дракона. Чешуя медного цвета выдавала в нем капака, представителя самой примитивной разновидности драконидов Крина. У него были ящери-подобная морда, змеиные глазки и тощая бороденка мышинного цвета, ключьями свисавшая с крапчатого подбородка. Временами капак поигрывал обтянутыми кожей крыльями, чтобы хоть

как-то охладиться. По спине у него, от основания толстого черепа до кончика короткого хвоста, которым он нервно подергивал от неуверенности, проходил усаженный шипами гребешок.

Ну что тут прикажешь делать? – терялся в догадках капак. Он хоть и был недалеким, чувствовал что-то неладное. Возможно, битва началась раньше, чем предполагалось, и Владычица Тьмы теперь очень занята. Нужно ли продолжать поиски драконов? Я ведь нашел только два пустых логова. Что если остальные слуги Владычицы, отправленные в пустыню одновременно со мной, обнаружили всех драконов и сражаются теперь вместе с ними, исполняя волю Такхизис? А может быть, сражение вообще отменили, а Владычица Тьмы выпустила из виду, что по пустыне бродит ее верный капак. Наверное, обо мне позабыли, – подумал драконид. Бросили на произвол судьбы.

Капак остановился, уставившись на голые просторы с редкими пятнами чахлой травы и отдельными каменными грудами. Он почесал чешуйчатую голову и возобновил свой путь, решив терпеливо продолжать поиски, пока не уловит мысленного приказа Такхизис.

Келлендрос продолжал наслаждаться летней грозой, развернувшись в полете на северо-запад и оставив Найтлунд позади. Теплый дождь напевал для него мелодию, тихо барабанила по его спине, и в этой мелодии слышалась радость оттого,

что дракон вернулся.

Как хорошо оказаться дома, – думал синий исполин. Он устремил глаза к небу и позволил дождевым струям омыть их. А еще лучше будет, когда придет конец его одиночеству, когда он снова окажется рядом с Китиарой.

– Когда-то я дал тебе обещание, – громко прошипел дракон, минувя целые мили с каждым взмахом огромных крыльев. Я поклялся охранять тебя, но не сдержал клятву, и твое тело умерло. Твоя душа покинула Ансалон, хотя я знаю, что она жива и помнит меня.

Дракон тоже ничего не забыл. Он помнил, каково это быть соратником единственного человеческого существа, которое, как он полагал, обладало сердцем дракона. Властолюбивая и хитроумная Китиара участвовала с ним во многих славных битвах. Вместе они ничего не боялись, им не могла противостоять ни одна сила.

В те далекие годы Келлендрос, как никогда, чувствовал свое совершенство, его верная и дальновидная подруга всегда находила для него цель. Он помнил, какой восторг их охватывал среди боя, помнил пьянящее чувство победы.

А еще он помнил тот день, когда Китиара оказалась вдали от него и он не сумел ее спасти. Находясь за много миль, он понял, что она умирает, ощутив мгновение ее смерти так, словно смертельный удар был нанесен ему самому. Он тогда сразу ринулся на помощь и увидел поверженную, беспомощную человеческую оболочку, в которой прежде жил вы-

дающийся ум. Гнев и слезы затмили его взор, но все же он разглядел, как над бесполезным мертвым телом поднялась освобожденная душа. Её душа жива до сих пор!

Келлендрос в то мгновение дал клятву отыскать ее душу и найти для своей соратницы другую оболочку – такую, которую ему легче было бы охранять. С тех пор дракон носился за душой Китиары по просторам Ансалона, время от времени теряя с ней связь, а потом снова чувствуя ее рядом – такую близкую, но недостижимую. Так прошли годы непрерывных поисков и путешествий. Иногда, когда месяцами не было даже намека на предстоящую встречу с ней, его надолго охватывало отчаяние. И все же исполинский дракон не сдавался и наконец вновь обнаружил ее душу, сумел пробиться к ней.

Скай – прозвучало в его сознании. Это был голос Китиары, и сердце Келлендроса торжествующе забилося. Дракон призвал на помощь все свои магические силы и попытался направить их к одной цели – привлечь к себе душу Китиары. Скай – Он снова слышал ее голос, который на этот раз был не громче шепота.

А затем ее душа снова исчезла, и Келлендрос нутром понял, что она покинула Крин. Тогда он направился к каменному кольцу в надежде, что дух Китиары проскользнул в другое измерение, куда он сможет попасть через Врата. Ему удалось проникнуть сквозь магический древний портал, а затем миновать туманные измерения, где обитали феи и людские тени.

Ему казалось, что он тратит на поиски века. За это время он вырос до невероятных размеров и приобрел устрашающую силу. Он запомнил все ходы и коридоры между измерениями, открыл неведомые Крину расы и слышал заклинания, давно позабытые всеми смертными. И когда он почти уверился, что искать ему больше негде, что не осталось ни одного темного пространства, где бы он не побывал, он совершенно неожиданно наткнулся на царство Мглы.

Это была земля без земли, туманная область, наполненная бурлящими серыми испарениями, где обитало множество духов. Телесных созданий, если не считать Келлендроса, Хозяина Врат, во мгле было наперечет. Синий исполин не хотел там задерживаться, но внезапно на него повеяло чем-то знакомым и дорогим, он ощутил присутствие Китиары и потому продолжил поиск, на который ушло, наверное, еще лет сто. Время за пределами Врат шло по-другому, оно мчалось, а не ползло, как на Крине, и дракон догадывался об этом только по скорости, с которой росло его тело. Но время не имело для Келлендроса никакого значения – для него была важна только Китиара, он хотел одного – исполнить свое обещание.

Наконец он нашел ее, мысленно коснулся ее души, как касаются рука щеки возлюбленной. Она поняла, что он рядом, и попросила его остаться во Мгле, ставшей для нее домом. Скоро мы будем вместе. На этот раз. Навсегда, – прошептал он тогда и вернулся через Врата обратно на Крин.

– Мы снова будем одной командой, – произнес Келлендрос, мысленно переходя к настоящему и глядя, как его тень плывет над извилистой Вингаардской рекой. – Я найду подходящую оболочку для твоей души.

Под ним раскинулись широкие луга Хинтерлунда, от взмаха его крыльев по траве побежала рябь. Олени, собравшиеся в большое стадо, перестали щипать траву и подняли головы. При виде дракона животные запаниковали и бросились врассыпную. Келлендрос был голоден, и стадо представляло для него большой соблазн, но он решил подождать с кормежкой. Вначале следовало отыскать новое тело для Китиары.

Видение

Палин проснулся на влажных от пота простынях, с прилипшими к лицу прядями длинных каштановых волос. Грудь его вздымалась, он ловил ртом воздух, стараясь успокоиться.

Рядом с ним зашевелилась Аша. Он попытался встать с постели, не разбудив ее, но ему это не удалось.

– Что случилось? – прошептала она и, сев в постели, коснулась пальцами его лба – у тебя жар! Тебе опять приснился тот сон?!

– Да, – тихо ответил он. – Только кошмар оказался страшнее, чем прежде. – Палин опустил ноги на холодный каменный пол, встал и подошел к окну. Отодвинув тяжелую занавесь, он уставился на восток, где солнце едва показалось над горизонтом. Теперь я убежден, что это не просто сон, а нечто большее.

Аша вздрогнула и выбралась из постели, завернувшись в шелковый халат. Она подошла к мужу и опустила голову ему на плечо.

– Это был синий дракон?

Палин кивнул:

– Я снова видел, как он летел к Палантасу. Но на этот раз он достиг города. – Палин повернулся к жене, обнял ее тоненькую фигурку и, опустив голову, дотронулся губами до щеки Аши. Он заглянул ей в золотые глаза и запустил пальцы

в растрепанные серебристые волосы, на которых поигрывали первые лучи солнца. — Думаю, ты вышла замуж за безумца, Аша.

Жена с любовью прильнула к нему.

— Думаю, я вышла замуж за чудесного человека, — ответила она. — А еще я думаю, муж мой, что ты унаследовал способность своего дяди Рейстлина заглядывать в будущее.

Они поженились меньше месяца назад, после того как Аша убедила Палина, что не состоит ни в каком родстве с Рейстлином, хотя у нее такие же золотые глаза и белые с серебристым отливом волосы. Рейстлина уже давно никто не видел. Молодые поселились в Утехе. Впрочем, Палин частенько навещался в Вайретскую Башню.

Палин отстранился от жены и впился пронзительным взглядом за окно, глядя вдаль, поверх просторов Соламнии. Последние несколько недель Башня находилась за пределами города Соланта. Завтра, возможно, она переместится еще куда-нибудь. Эта Башня нигде не задерживалась подолгу, иногда меняя месторасположение по желанию Палина. Ее способность перемещаться в пространстве была одним из чудес, сохранившихся на Крине, несмотря на исчезновение Богов магии. Палин узнал, что предметы, наделенные магическими свойствами до Войны с Хаосом, сохранили их и по сей день.

— Давай посмотрим, сумею ли я придать своему сну... этому предчувствию, — исправился он, — чуть больше зримо-

сти. — Он подошел к большому дубовому комоду, стоявшему в углу, и достал из верхнего ящика оловянное зеркальце, после чего вернулся к жене. Повернувшись спиной к окну, он вперился в пятно в самом центре зеркальной стороны, а Аша напряженно подалась вперед, облокотившись о подоконник.

Зеркальце ярко сверкнуло, поймав солнечный луч, а затем в воздухе появилось какое-то переливчатое свечение, и внутри зеркала возникла бледно-зеленая рамка, в которой начала вырисовываться картинка. Сначала все было размыто, как на акварели, а затем изображение стало четким, словно невидимая рука навела фокус. Солнце опускалось в палантасскую гавань, и огромная птица, едва касаясь тихих волн, подлетала к западному берегу.

Молодой чародей даже пригнулся, когда птица подлетела поближе и оказалось, что это дракон. За спиной Палина Аша тихо охнула и осторожно коснулась его лопаток. Палин сосредоточился на огромном звере. Это был синий самец с длинными белыми рогами и яркими золотыми глазами, тот самый, что снился ему последние три ночи, хотя во время битвы с Хаосом Палин не видел его среди сражавшихся в Бездне. Правда, там была настоящая мясорубка и очень много драконов носилось в воздухе во время битвы, но маг все равно запомнил бы такого огромного. Он был гораздо крупнее любого дракона, прилетевшего на сражение в Бездну. — Что нужно этому дракону от Палантаса?

сдавленно спросила Аша.

У них на глазах синий дракон превратился в легкую тень, которая бесшумно, словно ястреб, принялась парить над городом.

– Вероятно, ему что-то понадобилось в Палантасе, – прошептал Палин.

Драконья тень, сделав вираж в воздухе, поплыла к прозрачному образу Великой Палантасской Библиотеки. Сложив крылья, зверь тяжело опустился на крышу, а потом проломил черепицу и исчез. Палин сосредоточил все свое внимание на проломе, стараясь разглядеть животное сквозь пыль и сломанную кладку.

Это ему удалось, и он заглянул внутрь здания. Дракон восседал на раздавленных, окровавленных телах монахов и огромными когтями срывал одну книжную полку за другой, время от времени выхватывая редкие манускрипты. Сразу стало ясно, что синий дракон охотился за особыми книгами – волшебными фолиантами. Покончив с этим страшным делом, дракон зажал в когтях добычу и взмыл в небо. Теперь его курс лежал к Башне.

– Он летит к Башне Высшего Волшебства, – пробормотала Аша.

Палин содрогнулся всем своим худым телом, голос его ослаб.

Дракон не обратил ни малейшего внимания на Шойканову Рощу, росшую вокруг Башни Высшего Волшебства и служившую для многих непреодолимым препятствием. За-

виснув над Башней, он, видимо, произнес какие-то заклинания, а потом проворно опустился на строение и начал разрушать его когтистыми задними лапами. Огромные светлые камни летели во все стороны, как комья грязи, — с такой легкостью их расшвыривал зверь. На город посыпались булыжники, калеча и убивая любопытных, которые выбежали из домов узнать, что происходит.

Когда от Башни остались одни обломки, дракон запустил лапы в подземелье и принялся доставать оттуда сундуки с магическими предметами, свитки с мощными древними заклинаниями и прочее. А потом его золотые глаза уставились на Врата, ведущие в Бездну.

— Нет! — прохрипел Палин. — Я должен его остановить!

Картинка в зеркале покрылась рябью и исчезла, а вместо нее выплыло отражение пепельно-бледного лица Палина и безоблачного утреннего неба.

— Но что ты можешь сделать? — Аша оттащила мужа от окна и задернула шторы. — Разве ты справишься с таким огромным драконом?

— Не знаю. — Он взял ее за подбородок. — Но я должен что-то предпринять... причем срочно. Если мой сон и в самом деле вовсе не сон, а видение, взгляд в будущее, дракон действительно скоро нагрянет. Может быть, даже сегодня на закате. Я не могу позволить ему убить всех этих людей. И не могу позволить ему захватить магические артефакты из Башни и получить доступ к Вратам.

– В Бездне не осталось ничего, кроме тел погибших и обломков, – сказала Аша. – Зачем дракон туда рвется?

– Не важно, – ответил Палин. – Чтобы пробраться в Бездну, дракону придется разрушить Башню и завладеть драгоценными магическими предметами, которые там хранятся. – Маг подошел к кровати, где в ногах лежали его белые одежды. Быстро облачившись в них, он взглянул на жену: – В Палантасе у меня есть надежный человек. Я могу предупредить его, рассказав об этом сне. Он успеет кое-что предпринять. Возможно, свяжется с кем-то из Башни Высшего Волшебства.

– Я думала, раз Хаос и все другие Боги покинули нас, мы теперь в безопасности, – прошептала Аша. Я думала, что, наконец, для нас наступил мир.

Хозяин башни

В самом сердце Палантасской Башни Высшего Волшебства из тени вышел человек и остановился перед скользкой от влаги стенами, где висел одинокий угасавший факел. Мерцавшее пламя отбрасывало блики на его черные одежды, ниспадавшие тяжелыми складками, – видимо, под ними скрывалась очень худощавая фигура.

– Я слышу твой зов, – произнес он чуть громче шепота. – Ты нарушил мой покой.

Он вздохнул и снова скрылся в темноте, волоча за собой по полу шлейф из тяжелой ткани. Он направился к винтовой каменной лестнице, полуразрушенной безжалостным временем. Ему не нужен был свет – он и так знал, куда идти. В этой древней Башне каждый сырой угол, каждый просторный зал, каждый потайной ход был ему знаком. Он касался пальцами холодных каменных стен, увешанных резным оружием, щитами и портретами давно умерших магов. Он мог и не смотреть на портреты – он и так знал все лица, предпочитая раскрашенным холстам собственные воспоминания: портреты все равно не отдавали должное его друзьям, вместе с которыми он жил и познавал магическое искусство в этой Башне.

Не ускоряя размеренный шаг, он достиг верхнего этажа и вошел в комнату, наполненную ярким утренним светом, который проникал через окна. Он приблизился к одному из

них, из которого открывался вид на дворец, построенный в центре большого города. Вдали виднелся Бранкальский залив, приветливо поблескивавший сине-зелеными волнами. К северу находилась Великая Палантасская Библиотека, самое большое собрание книг на всем Кринне, а к югу – Храм Паладайна. «Кто знает, подумал человек, – будут ли тянуться туда паломники теперь, когда Боги покинули этот мир?»

Он бросил внимательный взгляд на город, сильно пострадавший во время последней битвы с Хаосом, когда из Бездны выплеснулось столько разрушительных магических сил. Казалось, битва происходила непосредственно здесь, в городе. Чародей подозревал, что и другие города ощутили на себе тяжесть сражения, там тоже наверняка было много разрухи и раненых.

– Чего ты хочешь? – произнес он в никуда и, ощутив легкий порыв ветра, увидел в прозрачной дымке лицо молодого человека.

– Предупредить тебя, – ответил тот. – Поведать свой сон. Маг в черных одеждах прикрыл веки и стал свидетелем всего, что пережил Палин в своем видении.

Через несколько минут дымка рассеялась, легкое облачко исчезло, и маг проворно отпрянул от окна. Он поспешил вниз по крутой лестнице, останавливаясь на каждом этаже, чтобы снять со стен бесценные магические предметы.

Много часов чародей прилежно работал, собирая свитки, заговоренное оружие и доспехи, хрустальные шары и про-

чье, а сам тем временем размышлял над видением Палина, стараясь понять, зачем дракону понадобилось проникнуть в Бездну.

Вся магия Башни могла оказаться недостаточной для открытия Врат Бездны. Но, пытаясь сделать это, дракон разрушил бы город, расплющив все здания в радиусе целой мили от Башни. Погибли бы сотни людей. Еще худшее могло произойти, если бы дракон обратил силу магических артефактов Башни непосредственно на Палантас, прежде чем использовать их для проникновения в Бездну.

После битвы с Хаосом в Бездне царила только смерть. Что этот дракон надеялся там отыскать? По мнению Палина, это было не важно, но маг так не считал. Он поклялся разрешить эту задачу позже, после того как спасет магические предметы.

Не привыкший к физическому труду, маг совсем выбился из сил, когда стащил в подземелье Башни внушительную груду артефактов. Он с трудом переводил дух, глядя на собранную пирамиду, переливавшуюся при свете факела.

– Это не все, – прошептал он, убирая упавшую на глаза прядь волос. – Но здесь собраны самые лучшие, самые мощные артефакты, ими и придется ограничиться. – Маг содрогнулся и привалился к сырой каменной стене. – Старый друг, – обратился он к камню, – мне будет тебя не хватать. Мы ведь вместе... что это? – Чародей наклонил голову и провел пальцами вдоль стыка камней. – Дракон. Он летит сюда.

Маг запустил руку в глубокие складки одежды и вынул блестящий посох красного дерева, украшенный бронзовой драконьей лапой, которая сжимала ограненный кристалл, излучавший живой свет. Он провел пальцами по гладкой поверхности посоха, потом высоко поднял его над головой и дважды ударил им о каменный пол. В подземелье вспыхнули ослепительные голубые искры, а когда они потухли, угасавший факел высветил согбенную фигуру чародея. Пирамида волшебных сокровищ исчезла.

– Спасены, – прошептал маг. Он еле дышал, и, чтобы подняться, ему пришлось опереться о посох.

Маг с трудом начал преодолевать ступени, складки одежды путались у него в ногах, и он то и дело спотыкался. Он касался дрожавшими пальцами холодных камней, словно прощаясь с ними.

– Мы так долго были вместе, вы и я, – шептал он стенам.

А за пределами Башни лучи заходящего солнца коснулись крыш домов и деревьев Шойкановой Рощи. Стражи пропустили чародея беспрепятственно.

– Бегите, – прошептал он им, покидая Рощу. Бегите или погибнете. Бегите! – громко призвал он горожан, оказавшись на улице Палантаса.

Поначалу прохожие не обращали на него внимания, продолжая болтать между собой о покупках или предстоящем ужине. Несколько человек остановились у трактира и принялись изучать меню, вывешенное в окне. Но те, кто оказался

ближе остальных к чародею, увидели, как он высоко поднял свой посох, и слышали из его уст несколько слов на незнакомом языке, после чего земля задрожала у них под ногами.

– Бежим! – крикнул кто-то.

Люди отхлынули от мага, словно волна от берега, оставив человека в темных одеждах одного перед Башней. Но лишь немногие отбежали достаточно далеко и потому не могли видеть происходящее, у большинства же любопытство пересилило здравомыслие. Почти все они укрылись в своих домах, прильнув к оконным стеклам. Некоторые забились под козырьки дверных проемов.

Пальцы мага железной хваткой сжимали посох, он с яростью произносил какие-то слова, сверкая глазами, и Башня содрогнулась, как содрогается старик от приступа боли.

Чародей всхлипнул, прерывисто задышал, и глаза его наполнились слезами.

– Пади, – взывал он, – молю тебя, пади.

За его спиной раздавались громкие голоса тех палантасцев, кто отказался искать себе укрытие.

– Что он делает? – завопила какая-то женщина. – Творит заклинание! – огрызнулся мужчина. – Но магия давно мертва! – отозвался другой. – Должно быть, все дело в посохе! – вступил в разговор третий.

– Бегите! – прокричал им чародей и несколько раз ударил посохом о землю. – Пади! – приказал он. – Пади!

И словно в ответ булыжная мостовая вздыбилась под его

ногами, а Башня качнулась и застонала.

За спиной мага раздались крики, но он не обратил на них внимания. Зеваки растеряли остатки мужества и кинулись врассыпную. Чародей слышал лишь, как стонет Башня, начавшая падать. Он взглянул наверх и увидел, что небо над нею словно треснуло – это окружавший Башню невидимый барьер раскололся, как яйцо. Осколки стекла из башенных окон брызнули в разные стороны и засыпали всю улицу.

На булыжной мостовой, где стоял маг, появилась тонкая, как паутина, трещина. Она быстро росла в длину, мгновенно достигнув Шойкановой Рощи через раскрытые ворота, а потом начала расширяться, Земля дрожала, а чародей наблюдал сквозь пелену слез, как рушится стена вокруг Рощи, как падают камни в растущий излом. Скоро в расщелину устремились и деревья. Трава потекла в земную трещину как вода, унося с собой цветы и ягодные кустарники, за которыми маг еще недавно так тщательно ухаживал.

Хлопки и шипение, доносившиеся сквозь какофонию звуков, свидетельствовали, что незримые стражи, охранявшие Башню, одновременно вырвались на свободу и тут же погибли, сметенные землетрясением.

Маг обхватил себя руками и закричал. Этот звук отозвался эхом на Башне, когда она подломилась и рухнула. Сначала внутрь упали кроваво-красные минареты, а затем их поглотили черные мраморные руины, тотчас начавшиеся плавиться.

За спиной чародея разбилось стекло, послышался детский плач. Затрепетал тентовый навес, затем оторвавшись от фасада здания, он пролетел над магом и исчез в черной расплавленной массе.

Маг попытался подняться с колен, но землетрясением его швырнуло на спину. Взглянув в закрытое тучами пыли небо, он увидел едва заметную тень.

Крупная птица? Нет. Дракон.

Маг перевернулся на живот и, всаживая тонкие пальцы в щели между камнями, пополз вперед, прочь от воронки, образовавшейся на месте Башни.

И тогда над Палантасом раздался оглушительный грохот, возвестивший о конце Башни Высшего Волшебства. От громовых раскатов затрещали фасады домов, полетели вниз балконы, печные трубы и черепица.

Чародей подполз, к ближайшему дому и, обернувшись, увидел, что глубокая расщелина в земле сомкнулась, похоронив остатки Роши. На его глазах трещина затягивалась, перемещаясь к тому месту, где недавно высилась Башня. Круглое пятно застывшего вулканического стекла, гладкого, как зеркало, – вот все, что осталось от Башни Высшего Волшебства.

Кашель сотряс тело чародея, когда он попытался подняться с земли. На секунду маг засомневался, не натворил ли он больших бед, чем мог натворить дракон. Но он сам понимал, что это не так, во-первых, никто не погиб, в этом он был уве-

рен, во-вторых, дракону теперь было не добраться не только до магических артефактов Башни, но и до сокровищ Палантасской Библиотеки. В тот миг, когда Башня рухнула, старинные фолианты тут же исчезли.

Чародей смотрел на плоское блестящее черное пятно и думал о том, что под ним скрыто: фрагменты Башни и портреты старых магов, которые когда-то учились в ней бок о бок с ним самим.

– Прощайте, – прошептал руинам чародей, съеживаясь калачиком у холодной стены дома.

В небе над Палантасом бушевал Келлендрос. Башня была разрушена, а ее руины ушли под землю. Путь в Бездну оказался потерян.

– Китиара! – завыв дракон.

Небо пронзила молния, она ударила в булыжную мостовую, раздробив ее прямо перед трактиром, где укрыл ась толпа. Заходившее солнце закрыли темные тучи, и разразилась гроза. Перепуганные горожане заперли двери своих домов на засовы, едва начался дождь. Поначалу он был тихим, но мощь его стремительно росла, и вскоре он полил всю. Дождь смыл пыль и грязь после магического землетрясения и смешался со слезами чародея.

Пришествие Малистрикс

На вершине горы, возвышавшейся над Палантасом, стоял воин и смотрел, как Келлендрос удаляется прочь от города. Во время грозы, поднятой синим драконом, он вымок до нитки.

– А я-то думал, что это он и есть. Жаль. Воин напоминал человека, но был лишен отличительных черт, словно вырублен из одного куска черного сланца или обсидиана. Горящие рубиновые глаза следили за удалявшимся драконом, пока тот не превратился в пылинку на горизонте. Затем он перевел немигающий взгляд на черную лужицу, где прежде стояла Башня Высшего Волшебства.

– Синий оказался слабаком, – проворчал он.

Раз дракон не добился своего, ему следовало разрушить город. У него были и силы, и право отомстить. – Воин сжал черные кулаки, которые на мгновение вспыхнули, как горячие угли. – В Палантасе не нашлось бы никого, кто мог бы ему противостоять. Разве что маг, но он растратил все свои силы, чтобы разрушить Башню. Все они глупое, жалкое дурачье.

На улицу высыпала большая толпа, в основном людская, хотя воин заметил в ней и эльфов, и нескольких кендеров. Большинство горожан были простолюдинами, одетыми в туники и рейтузы коричневых и серых тонов. Лица у всех были

осунувшиеся, изможденные, одежда – потерятая.

Любопытство подстегнуло нескольких наиболее храбрых, презрев опасность, медленно приблизиться к тому месту, где еще несколько минут назад возвышалась Башня Высшего Волшебства. В конце концов парочка проницательных кендеров вырвалась вперед и, добежав до края застывшей черной лужицы, глянула вниз. Там они увидели отражение Башни, погребенной внутри. Горожане боялись двинуться со своих мест, да и смельчаки на секунду застыли в ожидании новых неожиданных событий.

Когда стало ясно, что на этом чудеса окончены, воин принялся следить за другой парой чересчур любопытных кендеров, которые обшаривали район, где недавно росла Шойканова Роща. Воин подозревал, что остальные зеваки решили не покидать толпы, поскольку были наслышаны о каких-то неведомых существах, бродивших вокруг Башни. Но кендеров не так-то легко запугать.

Оглянувшись, воин снова сосредоточил все внимание на кендерах, шнырявших на месте уничтоженной Рощи. Теперь он, не мог разглядеть их, а видел лишь струйки оранжевого дыма, струившегося от их следов.

– Дураки, – прошипел он. – Сами не знают, во что ввязываются.

Толпа горожан росла, до воина донесся возбужденный гул, он даже разобрал отдельные высказывания.

– Башню разрушила магия, – неожиданно заявил усталого

вида человек. – Не бывает таких землетрясений, в которых гибнет только одно здание.

– В Башне наверняка были чародеи, – перебил его другой. – Наверное, произнесли не то заклинание. Я видел, как оттуда рванул один, одетый вовсе черное. Он даже велел мне бежать.

– А я думаю, это сотворили Боги, – заговорил мясник. Он вытер руки о запачканный кровью фартук и покачал головой. – Боги разгневались на магов.

– Боги покинули этот мир вместе с магией, вздохнула старуха. – Думаю, безвозвратно. Но уверена – та магия, что еще сохранялась в Башне, и вызвала землетрясение.

– Ты заметила дракона? – спросил ее кендер, дернув за юбку.

Старуха промолчала. Вместо нее ответил молодой человек с усталым лицом: – я его заметил. Это был огромный синий дракон. Впервые в жизни видел такого здорового.

– Он мог бы убить всех нас, – с благоговейным ужасом произнес кендер.

– Он должен был убить всех вас, – прошептал воин. – Всех до единого. Хаос хотел вашей смерти.

Этот воин родился во время последней битвы в Бездне. В самый разгар сражения Хаос, Отец Богов, сорвал с небес звезду и в мгновение ока разбил ее вдребезги. Из пылавших осколков звездной тверди Отец Богов создал стража и его злых собратьев, придал им вид людей – подобно скульптору,

создающему серию изваяний. Хаос вдохнул жизнь в свои создания: отобрав воспоминания у рыцарей, сражавшихся во круг, он извлек их самые страшные ночные кошмары, с помощью которых заставил биться черные сердца своих воинов-демонов. Порождения Зла вступили в борьбу на стороне Хаоса, повинувшись его воле.

Большинство из них нашли смерть в бою. Воин-демон, глядевший сейчас на Палантас, был свидетелем гибели почти всех своих братьев. Но его ждала иная участь, когда победили смертные. Он и горстка таких же существ почувствовали, что создатель бросил их. Без приказов, без властелина, который бы руководил ими, уцелевшие воины-демоны покинули Бездну и проникли на Ансалонский континент. Перед ними возникла необходимость обрести новую цель в жизни.

Этот воин был одержим идеей мести. Он поклялся, что заставит людей отплатить за изгнание Отца Богов. Воин превратился в бурлящую массу конической формы с прозрачными лапками и змеиным хвостом, которым не переставая хлестал по земле. Создавая своих воинов, Хаос наделил их способностью изменять облик, ездить верхом на ветре и передвигаться сквозь воду и почву с той же легкостью, с какой смертные передвигаются по поверхности суши.

– Все они должны быть мертвы, все они должны гнить в своих жалких могилах, – шипел злодей. – Они годятся только на корм для червей.

Этот демон знал, что жители Палантаса начали понемногу приходить в себя после битвы. Люди оплакивали героев, погибших в сражении с Хаосом, Рыцарей Такхизис и Соламии, сражавшихся бок о бок. Тела, которые удалось вынести с поля битвы, захоронили. Прочие остались навечно погребенными под телами мертвых драконов и обломками рухнувших пещер Бездны. Им воздали только словесные почести.

Но ни одна живая душа не скорбела по Хаосу и его переменчивым детищам. Никто не скорбел, кроме его собратьев. Воин-демон перевел пронзительный взгляд красных глаз на широкую палантасскую гавань, где мягкий бриз пускал рябь по воде. Заходившее солнце придало ей волшебный оранжевый блеск, напомнивший беспощадному злодею горящие угольки, осколки разбитой звезды, из которых родились он и ему подобные. Несколько доков оказались поврежденными той силой, что выплеснулась из Бездны, и сейчас на глазах у воина отряды людей трудились над их восстановлением.

– Синий дракон мог бы разрушить всю гавань, – разглагольствовал демон, – но он оказался слюнтяем, в нем еще теплится какая-то искра уважения к этим муравьям. К счастью, я чую другого дракона, не такого слабака и лишенного всяких сантиментов. Это – драконица. Она принесет в этот мир бушующий огонь, а я помогу его разжечь.

За тысячу миль от Палантаса молодой черный дракон вы-

слеживал оленей на залитой дождями равнине Туманного Острова.

Он перестал охотиться, когда небо неожиданно потемнело. Солнечный свет закрыл огромный дракон с темно-красной чешуей, гораздо крупнее любого из тех, что ему доводилось видеть. Красная драконица зависла в небе и уставилась на черного. Ее крылья вздымались, словно паруса шхуны. Черному пришлось поводить головой из стороны в сторону, чтобы целиком охватить ее взглядом.

Над массивной шишковатой головой драконицы нависали два блестящих, слегка изогнутых рога цвета слоновой кости. Янтарные глазки – два немигающих шарика – пригвоздили черного к месту. Из широких ноздрей драконицы вырывались клубы пара. Черный дракон, позабыв об охоте, поднялся во весь рост на задних лапах.

«Она такая же большая, какой была Такхизис, может, еще больше, – подумал он. – Только Божество бывает таких размеров. – От этой мысли сердце его подпрыгнуло. – А вдруг эта красная драконица и есть Такхизис – Темная Королева злых драконов, которая вернулась на Крин, чтобы править своими детьми?»

Много месяцев тому назад, когда Такхизис собирала своих подданных на битву в Бездне, черный дракон мысленно связался с ней и попросил разрешения сражаться за нее вместе с остальными драконами. Но Такхизис проигнорировала его просьбу и только бросила мимоходом, что он еще слиш-

ком юн и толку от него будет мало. С тех пор черный дракон ни разу не ощущал ее присутствия и не видел многих других драконов, но ему очень хотелось узнать обо всем, что случилось в Бездне, и теперь он надеялся, что Такхизис ему об этом расскажет.

Он в знак уважения выплюнул кислотную струю, и огромная красная драконица спланировала к нему. Лучи угасавшего солнца коснулись ее шкуры, отчего все чешуи заблестели мигающими огоньками, сделав ее похожей на оживший костер.

Черный дракон почтительно склонил голову, когда она приземлилась. Земля задрожала под тяжестью драконицы, а черный дракон даже зажмурился, стремясь защититься от комьев земли и грязи, которые гнал ветер, поднятый мощными крыльями.

Огненные брызги взвились дугой в небо и разлетелись в разные стороны, затронув леса по обе стороны равнины. Обжигающий жар дыхания красной драконицы был нестерпим черному, и он услышал, как затрещали вокруг него деревья, занявшиеся пламенем, несмотря на влажный воздух Острова. Черный дракон поднял голову и хотел было заговорить, но увидел нацеленную на него красную когтистую лапу.

Драконица нанесла сильный удар, отбросив черного на несколько ярдов к старому лесу. Дракон на несколько секунд перестал дышать, а затем затряс головой, чтобы прийти в себя, после чего недоуменно уставился на красную драконицу.

Ее массивная лапа ударила ему в бок и разодрала его ко-
пьями. Копи пронзили толстые темные чешуи и впились в
мягкую плоть под ними, а потом другая лапа пригвоздила
дракона к земле, готовая вырвать ему ребра.

– Такхизис, моя Королева!

Из раны черного дракона хлынула кровь. Он закричал от
удивления и боли, тщетно пытаясь вырваться, а потом взгля-
нул на свою мучительницу с мольбой и вопросом в глазах,
подернутых слезами.

Красная драконица наклонила к нему огромную голову,
так что больше он ничего не видел. Ее серное дыхание бы-
ло горячим, как тот огонь, что бушевал теперь в лесу. Она
открыла пасть, и оттуда выстрелил огромный язык, коснул-
ся кончика его носа, а затем убрался восвояси, облизнув ей
губы.

– Нет! – закричал черный дракон. – Такхизис никогда не
напала бы на своего собрата! – Он изо всех сил пытался вы-
браться из-под лапы, придавившей его к земле, но не мог да-
же пошевелиться: красная драконица была слишком тяже-
лой. – Отпусти! – взмолился черный хватая ртом воздух. От-
пусти! – повторил он, сам удивляясь, что унижается до че-
ловеческой мольбы, но другого выхода не видел.

Сердце его бешено колотилось, задние лапы судорожно
дергались в отчаянной попытке нащупать в грязи хоть ка-
кую-то точку опоры, чтобы вырваться на свободу. Он по-
вернул голову и выпустил кислотную струю. Кислота попала

ей на щеку и отвратительно зашипела. Драконица ослабила хватку, и черный сумел вырваться.

Его остановила лапа, опустившаяся на хвост. Вторая лапа ударила дракона в крестец, а потом острые зубы сомкнулись на его спинном гребне. Он почувствовал, что взмывает в воздух. Драконица перенесла его на берег моря и сбросила вниз. Лежа на земле, черный ощутил, как силы покидают его. Он попробовал подняться, и это ему почти удалось, но драконица хлестнула его своим длинным хвостом прямо по морде и он, оглушенный, остался на месте.

Черный еще надеялся собраться с силами и выпустить остатки кислоты – сделать что угодно, лишь бы отпугнуть ее, а самому тем временем перелететь через утес и скрыться среди деревьев. Он ведь гораздо меньше красной разбойницы: возможно, ему удастся спрятаться среди древних ив. Он поднял морду и выдохнул, но из его горла вырвался лишь тоненький ручеек, пролившийся на песок. Челюсти красной драконицы глубоко впились в шею черного самца, и она начала пировать.

Заходящее солнце осветило берег Туманного Острова. На нем больше не осталось зеленеющих лесов только торчали в разные стороны обугленные, сломанные стволы. Красная драконица все здесь уничтожила.

Зевнув, огромное животное поднялась с песка, потянулось и стряхнуло с себя остатки сна. Вчерашний ужин – боль-

шая черная ящерица – придал ей сил, потом она еще закусила стадом оленей, хотя они и были для нее мелковаты. Но голод она все равно не утолила, а кроме того, ее беспокоила одна мысль. Ей показалось или действительно черная ящерица с ней заговорила? Назвав ее... как там, бишь... Такхизис? Или это только ее воображение? Неужели ящерица действительно разговаривала? А что если она в приступе голода пообедала разумной рептилией?

Драконица взглянула на лужицу в песке, оставшуюся от последнего прилива, куда она бросила голову и ребра ящерицы. В утреннем свете скелет выглядел по-другому. Приглядевшись, драконица содрогнулась. У подножия холма лежала голова вовсе не огромной черной ящерицы. Это была голова черного дракона.

Неужели голод ослепил ее настолько, что она сожрала птенца, недавно вылупившегося из яйца? Прошлепав к краю воды, драконица взглянула на свое хмурое отражение и заметила на подбородке несколько расплавленных чешуй, искореженных кислотным дыханием черного малыша.

Тогда она подняла лапу и когтем вырвала поврежденные чешуи, которые с гулким стуком упали на песок. Драконица поморщилась. Разумеется, на их месте вырастут новые и она снова будет красивой, но на это уйдет несколько недель.

Хорошо, хоть попался под горячую руку чёрный дракон, из низкого племени, говорила она себе, стараясь утихомирить угрызения совести. Черные гораздо глупее красных.

Будь он умен, не стал бы дожидаться ее на равнине.

Что он имел в виду, когда называл ее Такхизис? Что вообще означает это слово?

Когда солнце достигло зенита, красная драконица уже была высоко в небе, оставив далеко позади разоренный остров. Теперь он казался маленьким, почти таким, как вчерашний черный дракон.

Наверное, придется вернуться домой. Ей, конечно, не по душе грубая компания красных сородичей, но, наверное, нужно будет еще раз попробовать ужиться с ними. Сделать еще одну попытку. Как все-таки хочется есть. Взмахнув крыльями, драконица взяла курс в сторону дома.

– Ты не должна улетать. Красная драконица увидела прямо перед собой зависший в воздухе призрак крошечного человечка, который сплошь состоял из чего-то серого и бурлящего. Она убрала крылья и прищурилась, чтобы лучше его разглядеть. Он выглядел как тень, но на таком ярком солнце теней не бывает. Две алые точки вместо глаз смотрели на нее немигающим взглядом. Нет, это не человек, решила она. Тогда кто?

Драконица зашипела, из ее ноздрей вырвался пар и тонкими извилистыми струйками, как дым из печной трубы, поднялся к облакам у нее над головой. Драконица грозно оскалилась. Хорошо бы съесть его, но он такой маленький, что едва ли она заметит, когда он окажется у нее в желудке. Так что не стоит даже тратить на него силы.

– Кто ты такой? – прорычала она.

– Я воин-демон, создание Хаоса, Отца Богов, ответил человечек, сотканный из тумана. – Я хочу отомстить смертным, заставившим моего отца покинуть Крин. Ты мне в этом поможешь.

Прозрачный образ нарастил себе рожки и потемнел, превратившись в блестящее черное создание.

«Этой твари следовало бы молить о пощаде, подумала красная драконица. – А вместо этого она меняет облик и болтает со мной, словно я его подруга. Нет у меня никаких друзей».

– Ты откуда? – скрипучим и в то же время глухим, как эхо, голосом спросил воин. – Ты ведь не из Ансалона. Ты здесь совсем недавно, иначе тебя давно бы кто-нибудь заметил. Невозможно не заметить дракона такого размера. Обязательно нашлись бы смельчаки, захотевшие тебя убить. А много еще таких, как ты?

Драконица сощурилась так, что от ее глаз остались маленькие щелки, и злобно взглянула на него. Меж острых зубов чудовища промелькнул язычок пламени.

– Откуда я, не твое дело, – наконец ответила она.

– Но куда ты направляешься, мое дело. Ты должна лететь к Ансалону, а не в обратную сторону. Ты должна их всех перебить, но только не сразу, а постепенно. Пусть они помучатся от страха за свою жизнь, пусть поймут, что обречены. Они должны ждать неминуемого конца.

– Кто это «они»?

– Население, – пояснил человек-тень. – Люди и эльфы. Гномы, кендеры.

– Хватит! – Из груди драконицы донесся рык. Она открыла пасть, и оттуда вырвалось пламя, полетевшее огромным испепеляющим шаром прямо на человечка, но в нескольких дюймах от него шар распался на две половинки и обогнул его, как вода, снова срастясь в одно целое за его спиной.

– Я создание огня, порожденное в Бездне. Пламя, даже самое сильное, для меня безвредно. Глазки воина-демона грозно сверкнули, как раскаленные угольки. – А теперь послушай меня. Там, внизу, находится Туманный Остров, тот самый, где ты ночевала и который использовала как растопку для костра. К северу от него лежит остров Котас, приткнувшийся с краю Кровавого моря Истара.

Драконица по-прежнему злобно взидала на него, чувствуя, что в ней пробуждается любопытство. Она решила послушать его еще немного.

– Котас не так важен, как все остальное, – продолжал воин-демон. – Митас и Картай – тоже ерунда, зато Зеленые Равнины... – Злобный огонек в глазах человечка чуть померк. – Там ты найдешь стада скота, чтобы насытиться, селения, которые сможешь разгромить, и драконов, которых сможешь уничтожить.

Неужели он знает о черном? – удивилась она. – Я хочу, чтобы ты начала именно оттуда.

– Я лечу, куда мне угодно, и охочусь там, где мне нравится. Я исполняю только собственные желания.

– Ты должна проучить их за то, что они посмели бросить вызов Хаосу, – гнул свое воин. – Им не следовало выгонять моего отца.

– Никто не смеет приказывать мне.

– А я говорю тебе, – прошипел прозрачный человечек, – что ты сотрешь с лица земли Ансалон и перебьешь всех людей и эльфов. Человек перестанет хозяйничать в этих краях. Его место займешь ты... под моим руководством.

– А как же драконы?

– Драконы разобщены. Теперь, когда их Богиня Такхизис исчезла...

– Значит, Такхизис – Богиня, – задумчиво произнесла драконица. Черный принял меня за Богиню.

– Богов здесь больше нет. Ни одного, – продолжал воин-демон раздраженно, оттого что красная великанша его перебила. – У драконов нет вожака. Кое-кто из них время от времени сражается с людьми, но не часто. Вчера я наблюдал, как огромный синий дракон летал над городом, но не унес ни одной жизни.

Я могла бы повелевать драконами, – подумала драконица. – Я могла бы править этим самым Ансалоном.

– Зеленые Равнины... – Слова просочились из ее пасти, как пар.

– Именно оттуда ты должна начать. Жители Равнин ниче-

го не подозревают и не готовы к вторжению.

– А за этими Равнинами есть земли? – прошипела красная драконица.

– Ну конечно, – ответил человек-тень. – После того как ты нанесешь удар по Зеленым Равнинам, я сообщу тебе, куда лететь дальше. У тебя есть имя? Я хочу знать, как обращаться к своему внушительному гонцу.

Драконица нахмурила широченный красный лоб: – Малистрикс. Меня зовут Малистрикс.

– Малис, – произнес человечек, подобрав более короткий и удобный вариант, и снова махнул рукой в сторону Зеленых Равнин.

Драконица посмотрела туда, куда указывали прозрачные пальчики ничтожного человечка, а затем опять встретила глаза с его пустым взглядом. Неожиданно она взмахнула лапой и молниеносно ударила воина, пройдясь когтями по расплывчатой фигуре.

Малис разглядела удивление на его лице и сама немало удивилась, когда по ее лапе вместо крови потекло что-то холодное. Воин охнул, а она придвинула к нему массивную морду, обжигая его своим дыханием.

– Огонь, может, тебе и не страшен, – проговорила Малис, – но есть и другие способы с тобой расправиться.

Открыв пасть, она придвинулась еще ближе и сомкнула зубы на воине-демоне. Холодное тяжелое тельце проскользнуло ей в глотку, после чего она сложила крылья и повернула

в сторону побережья Зеленых Равнин.

Когда земля начала стремительно приближаться, драконица расправила крылья и мягко спланировала вдоль восточного берега, оглядывая скалистую местность. Из воды торчали острые, как зубы, куски кварца и обсидиана. «Не такие острые и смертоносные, как мои зубы», – подумала она.

Достигнув земли, она развернулась и полетела на север, на этот раз слегка касаясь верхушек деревьев и глубоко втягивая воздух. Ноздри ей щекотали насыщенные, пьянящие ароматы диковинных цветов, экзотических трав, неизвестных растений. Перепуганные птицы разлетались в стороны, а драконица лишь смотрела на них своими острыми глазками. Это была слишком мелкая живность, чтобы она могла ею насытиться.

Лес закончился, а за ним началась долина. Высокая трава темно-зеленым ковром простиралась до небольшой деревушки. Натренированным взором Малис разглядела крытые соломой лачуги и людишек, которые возились вокруг них, как муравьи. Не подозревая о приближении красной драконицы, они занимались своими повседневными делами.

«Сразу видно, что это мирные, ничего не подозревающие, не готовые к нападению люди», – подумала драконица, припомнив слова воина-демона.

На большом костре посреди деревни жарилась какая-то чудосочная дичь, нанизанная на вертел.

Аромат напомнил красной драконице, что она изголода-

лась. Хищница подлетела поближе, а когда ее тень пала на деревню, какой-то человек поднял глаза и увидев ее, принялся размахивать толстой ручкой и что-то выкрикивать.

В мгновение ока все селяне запрокинули головы. У кого-то из рук выпали корзины с фруктами. Кто-то завопил и побежал к своему дому, надеясь там спрятаться, а несколько людишек схватили копыя и принялись потрясать ими. При этом они что-то вопили все в один голос, и драконица не разобрала ни слова. Их голоса звучали для нее как комариный писк. Она приземлилась на краю деревни не только из любопытства, а еще и потому, что понимала: нужно подобраться к людям поближе, чтобы насытиться. Под ее тяжестью земля дрогнула так, что несколько людишек попадали с ног.

Самый храбрый из них осмелился приблизиться, не сводя глаз с массивной головы, и метнуть копьё. В первое мгновение драконица решила прикончить его лапой, даровав честь быть убитыми ее прикосновением, но потом любопытство взяло верх, и она прибегла к пламени. Огненный шар подкатил к ее горлу и факелом вырвался наружу. Сначала пламя поглотило храбреца, а затем ударило в ближайшие хижины.

Так вот, значит, как! – удивилась драконица. Не все из них похожи на воина-демона. Огонь опасен для людей.

Крики смельчака скоро затихли, а огонь разгорелся так сильно, что Малис едва уловила запах горелой плоти. Перешагнув через обугленные останки, она захлопала крыльями,

чтобы раздуть пламя и заставить его перекинуться на другие дома.

Тут она почувствовала легкий толчок в заднюю лапу. Повернув голову, она увидела двух людей, тыкавших в нее копьями. Но это оружие не могло пробить толстые чешуи.

Драконица перевернула одной лапой домик, который никак не хотел разгораться. Оказалось, что под крышей прятались три человечка. Малис раздавила их в лепешку мощным ударом.

Затем драконица вытянула шею, открыла пасть и разом проглотила нескольких селян, пытавшихся удрать. Их вырывавшиеся тельца быстро исчезли у нее в глотке, и она переключила свое внимание на другую группку, которая тоже помогла ей утолить голод.

К двум копыеносцам у задней лапы присоединились другие воины. С воплями и проклятиями они тщетно совали в нее свои перышки. Сквозь зловоние обожженной плоти и горевшей соломы драконица различила восхитительный запах пота, смешанного с запахом страха. Она качнула хвостом и прибила всех одним ударом.

Еще несколько человек удирали к лесу, росшему по другую сторону деревни. Драконица оттолкнулась от земли и прыгнула за ними, выпустив очередной огненный поток. Пламя обогнало бежавших, и прямо перед ними запылали деревья.

Люди развернулись и помчались обратно в деревню, но

Малис приземлилась, преградив им путь. Они не стали молить ее ни о чем. Драконица заподозрила, что они достаточно умны, чтобы понимать — им пришел конец. Открыв пасть, она слизнула разом нескольких человек, а затем, подвинувшись поближе, не спеша просмаковала остальных.

Когда насытившаяся драконица поднялась в воздух, в лесу занялся пожар. Она повернула на юг, пролетев над сгоревшей деревней и зеленой долиной.

Вскоре крылья домчали ее до другого леса. Деревья там были высокими и маняще тенистыми, в их густой листве она могла легко укрыться.

Приземляясь, драконица обломила лапами верхушки нескольких деревьев, вывернула с корнем пару старых дубов и опустилась на мягкий грунт.

— Отдохнуть здесь, — подумала она. — Это будет моим домом... на то время, что я пробуду на Зеленых Равнинах. Но оставаться здесь навсегда я не собираюсь.

Битва драконов начинается

Малис совершила набеги на несколько деревень, стараясь унять свой ненасытный голод. Но она тщательно следила за тем, что бы не истребить всех жителей до единого. Ей не хотелось так быстро лишиться источника питания, а кроме того, она считала необходимым оставить несколько человек в живых, чтобы наблюдать за ними и побольше узнать о захваченных ею новых землях. Ко всему прочему, ей нравилась сама мысль о том, что люди в других деревнях живут в постоянном страхе, гадают, кто сгорит следующим, мигом разносят известия о новом нападении и наделяют ее августейшим статусом.

Драконица питалась то домашним скотом, то различными лесными обитателями, запоминать которых она устала, то проглатывала целые корабельные команды, имевшие неосторожность приблизиться на своих судах к скалистому восточному побережью Зеленых Равнин.

Ничто ей не угрожало до тех пор, пока однажды не появился еще один красный дракон. Он был в два раза меньше Малис, от хвоста до носа – чуть больше двухсот футов. Она заметила его, когда он отирался на краю одной из разрушенных ею деревень, подбирая там что-то среди руин. Потом он пополз в лес и остановился на поляне, которую она сама создала, повыдергивав несколько деревьев, чтобы загнать в ло-

вушку особенно вкусных животных. Он явно следил за ней все это время. Наверное, желал поучиться.

Однажды она увидела, как он приближается к ее логову, которое она устроила на побережье, на вершине крутого утеса, смотревшего на Южный Куранский океан. Последние несколько месяцев она тщательно обустроивала свое логово и подходы к нему, беспрестанно что-то меняя, делая подъем все круче и внушительнее благодаря острым камнями темным нишам.

Малис вырыла огромную пещеру, чтобы поместиться самой и поставить там же несколько сундуков с монетами, которые она забрала с кораблей. Сидя в ее глубине, драконица смотрела, как красный дракон подходит все ближе.

– Чего тебе надо? – прошипела она, когда он наконец добрался до логова.

– Я должен был увидеть тебя, – огрызнулся тот, и языки пламени лизнули его ноздри. – Я прослышал об огромной, красной драконице, появившейся на Равнинах. Однако в Бездне во время битвы с Хаосом ее не было. Наверное, она побоялась сразиться вместе с нами на стороне Такхизис.

– Я и есть Такхизис, – выпалила Малис, вспомнив слово, которое произносил и молодой черный дракон, и воин-демон. – Я твоя Богиня. Ты должен мне поклониться.

Красный дракон рассмеялся, и в глубине его чрева поднялось низкое рычание.

– Ты, конечно, огромна, – сердито произнес он, но ника-

кая ты не Такхизис, не Богиня. Богам не нужно питаться, и они не живут в пещерах. Все Боги покинули этот мир. Так что ты кланяйся мне.

Малис услышала, как он резко втянул воздух, потом почувяла запах серы и поняла, что дракон собирается выдохнуть в ее сторону огненный поток но она не сдвинулась с места, понимая, что его дыхание ей не повредит. Это только докажет, насколько он глуп.

Дракон открыл пасть, и между его блестящими клыками промелькнул желто-оранжевый огненный.

шар, который полетел в сторону Малис, но ударил не в нее, а в скалу над ее головой. Дракон вновь зашумел, Малис почувствовала, как ее логово содрогнулось. А этот красный самец не такой уж безмозглый, – подумала она. Ей на голову посыпались обломки камней и комья грязи, завалив ее внутри пещеры. Малис вновь услышала треск пламени, почувствовала жар и поняла, что логово замуровано спрессованной землей и расплавившимися от дыхания дракона камнями. Земля сжала ее со всех сторон.

– Задумал похоронить меня заживо? – прошипела она, чувствуя, как земляная глыба сдавила ее еще сильнее, неприятно подперев ребра.

И тогда Малис, как мокрая собака, стряхивающая со шкуры воду, замотала головой из стороны в сторону, расправила крылья и забила сильным хвостом. Внутри нее родился рык, подобный гулу землетрясения. Он становился все гром-

че, пока она металась под пластами земли, а затем драконица набрала побольше воздуха в легкие и выдохнула.

И скала взорвалась, разбросав во все стороны камни, почву и языки пламени. Некоторые камни упали далеко в океан, остальные полетели в дерзкого красного самца и осыпали его толстую шкуру.

Дракон огрызнулся и молниеносно сделал выпад, ничуть не пострадав от огненного потока, продолжавшего извергаться из пасти Малис. Самец нанес сильный удар, так что она отлетела назад, но при этом успела обернуть свой хвост вокруг его задних лап, и оба зверя сцепились на мгновение на краю утеса. Но земляной карниз не выдержал такого веса и рухнул. Два гиганта покатались вниз, прямо на торчавшие из воды острые камни.

Малис прекрасно изучила эту местность, запомнив расположение каждого пруда и деревушки, каждой каменной пики, торчавшей над водой и угрожавшей проходу кораблей. Во время падения она умудрилась развернуться, оказавшись поверх своего противника. Крепко обхватив его лапами и плотно прижав к спине крылья, она камнем летела вниз.

Дракон бешено молотил по воздуху крыльями, пытаясь остановить падение, но драконица была слишком тяжелой. Тогда он повернул шею, как обозленный змей, и вцепился зубами в горло Малис. От боли и удивления драконица закричала и впилась когтями ему в бока. Из ран самца брызнула теплая кровь, смешавшаяся с кровавыми ручейками,

полившимися из ее шеи. Малис хлестала хвостом сначала по крыльям, затем по морде дракона, пытаясь заставить его разомкнуть челюсти.

Но зубы дракона впивались все глубже, и уже через секунду Малис не могла дышать. У нее все закружилось перед глазами, легкие словно сковал обруч. Но в следующее мгновение она почувствовала, как затряслось его тело, когда он ударился об острые камни. Острия обсидиана прошли сквозь его тело, и он, пригвожденный, остался на месте.

Челюсти дракона разомкнулись, и Малис тут же взмыла вверх, отчаянно забив крыльями, чтобы не оказаться вместе с ним на острых камнях. Она зависла в воздухе всего в нескольких футах над поверженным врагом и, скребя когтями по его вздымавшемуся брюху, наблюдала, как он безуспешно старается высвободиться. От воды, там, где ее касалась его пасть, пошел пар, а сам дракон начал биться в агонии.

– Никакая ты не Богиня, – задыхаясь, проговорил он.

– Зато я жива, – прохрипела в ответ драконица.

Малис опустилась на землю позади дракона, поближе к берегу, на мелководе, где не было острых каменных пик. Она подползла чуть вперед, вытянула лапу и разорвала его тело острыми когтями.

Дракон испустил последний вздох, а Малис с силой втянула в себя воздух. Из тела мертвого дракона поднялось мерцающее алое облачко и поплыло к Малис, словно его кто-

то притягивал. Потом оно опустилось на драконицу и мягко обволокло все ее массивное тело, а затем, проникнув под выступавшую чешую, окончательно исчезло.

Малис победоносно взглянула на мертвого самца, представлявшего собой теперь лишь пустую оболочку, которую вскоре разбило о камни и унесло в открытое море. А ведь драконица намеревалась перекусить им, чтобы умерить свой голод.

Но сожаление об упущенной возможности отступило перед торжеством силы, разлившейся по всему телу и достигшей самых кончиков ее когтей. Малис ощущала себя живой и непобедимой, наделенной пьянящим чувством собственной мощи. Она даже пожалела, что не принимала участия в битве, о которой болтал этот дракон. Новая сила заставила ее испытать жажду насилия, заставляя искать возможности проявить себя.

– Расскажи мне поподробнее об этой войне с Хаосом. Что привело к ней? – попросила Малис зеленого дракона, еще одного пришельца, снedaемого любопытством. На этот раз она предпочла не убивать гостя, решив, что он пригодится ей позже – хотя бы как рассказчик, знакомый с другой частью Крина, или в качестве марионетки для осуществления ее планов. Она не доверяла зеленому дракону, она вообще никому и ничему не доверяла, но умела изобразить заинтересованность и дружеское расположение. Драконица реши-

ла покорить зеленого сладкими речами и непривычной для нее самой вежливостью.

Зеленый дракон был чуть крупнее того красного, которого Малис убила больше месяца назад. Расцветкой он напоминал зеленый лес, а маленькие чешуйки, гибкие, как весенние прутьики, совсем не походили на толстые и жесткие чешуи остальных драконов. «Симпатичный для своего племени, – подумала Малис, но не такой величественный, как красный».

– Война с Хаосом – это дань людской глупости и непочитительности к Богам, – начал свой рассказ зеленый. – Племя эрдов, как называют великанов, первым проявил о свое невежество. Они владели Серой Драгоценностью; где была заключена частичка Хаоса, вполне достаточная, чтобы держать его на цепи, подальше от Крина, который он когда-то поклялся разрушить. Обуздав Хаос, Такхизис могла делать все, что ей вздумается.

Зеленый продолжал улаживать слух Малис рассказами о том, как Темная Королева прозорливо использовала своих подданных – верных драконов и ничего не подозревающих людишек, посвященных в Рыцари Такхизис, – в каждой из земель Кринна. Она выжидала удобного момента, чтобы призвать их под свое крыло в надежде захватить власть над этим миром.

– Но великаны-эрды разрушили ее планы. Они отчего-то решили, что Серая Драгоценность сослужит им хорошую

службу, если ее раздробить. Наверное, думали, что если выпустить заключенную в ней силу, то все остальные оставят их в покое, – презрительно фыркнул зеленый дракон. – Великаны и не подозревали, что в камне заключен сам Хаос.

– Значит, план Такхизис править Крином, не был воплощен в жизнь из-за того, что камень раскололи? – переспросила Малис.

– Вырвавшись на свободу, Хаос вознамерился исполнить свою клятву – разрушить мир. Если бы наша Темная Королева не остановила его, то ей нечем было бы править. Поэтому она вместе с менее могущественными Богами, согласившимися ей помочь, вызвала Хаос на бой. Тот обосновался в Бездне. Такхизис призвала своих самых сильных драконов и позволила им присоединиться к ней. На стороне нашей Владычицы сражались сотни драконов. – Зеленый умолк, уставившись в пустоту. Но лишь немногие выжили. Мы теперь разобщены, каждый живет сам по себе.

– А кто, кроме драконов, принимал участие в битве? – спросила Малис. – Ну еще Такхизис и другие Боги, конечно.

– Там были и люди – Рыцари Такхизис. Кроме того, просто воины, эльфы, гномы – все расы смертных. Даже кендеры. Но все они по сравнению с Хаосом – мошकारа. Только драконы смогли биться с ним на равных, измотать силы Отца Богов и отвлечь на миг его внимание, чтобы можно было заточить каплю его крови между половинками Серой Драгоценности. Если бы не драконы, Крину давно пришел бы ко-

нец. А так, запечатав камень, мы смогли заставить Хаос покинуть этот мир. Но вместе с ним пришлось уйти и остальным Богам, а с ними исчезла и магия. Говорят, теперь настал Век Смертных.

– А я думаю, мы сейчас живем в Век Драконов, – возразила Малис.

Зеленый лениво махнул хвостом, словно кошка, и печально покачал головой, а потом поскреб когтем квадратную челюсть.

– Нет. Время драконов уходит. Нас осталось не так много. Мы – порождение магии. А теперь, когда магия исчезла, долго ли и нам исчезнуть с Кринна?

Это было скорее утверждение, чем вопрос. Зеленый дракон не ждал никакого ответа, но Малис все равно ответила:

– Нам вовсе не нужно исчезать. – Она пристально посмотрела на зеленого, искривив в улыбке огромную алую губу. – Недавно на меня напал красный дракон, и, хотя мне этого не хотелось, я была вынуждена с ним сразиться. Победа, разумеется, осталась за мной. Когда он умер, я почувствовала какой-то прилив сил. Во мне прибавилось мощи. И тогда я поняла, что, убив, дракона, я впитала в себя его магическую сущность. Так что никуда я не исчезну.

Зеленый встал на дыбы и попятился.

– Ты хочешь сказать, что драконы намеренно убивают друг друга, чтобы выжить?

– Ты ведь не хочешь исчезнуть с Крина? – ответила она вопросом на вопрос. – Пусть лучше умрет кто-то, чем все. Лучше остаться в живых. Зеленый молча взирал на Малис и заговорил только спустя несколько мгновений: – Медные, латунные, бронзовые драконы. Дракониды.

– Те, кто поменьше и послабее, с кем легче справиться в битве. Но чтобы они обладали хотя бы намеком на магическую силу. Убей их – и станешь сильнее.

– Они все равно мои враги, – размышлял вслух зеленый, решительно отбросив последние угрызения совести.

– Может быть, даже маленькие зеленые дракончики.

– Нет!

– Нет, конечно, – поспешила извиниться Малис, – прости меня. Я просто подумала, что ты, возможно, захочешь избавиться от тех, кто меньше тебя, ведь они все равно представляют собой определенную угрозу. Представь, они вырастут, станут сильными и, убив всех своих врагов, в конце концов обратятся против тебя.

Зеленый молча взирал на нее. Он обдумывал сказанное, постукивая лапой по земле.

– Я бы предположил, что самые умные драконы используют добытую в боях магию, чтобы поделить всю территорию Крина и окончательно установить границы своих владений. Малис обернулась и посмотрела на свое новое логово, которое она устроила среди невысоких гор.

– Зеленые Равнины мои, – прошипела она.

– А скоро я прибавлю к ним земли на западе.

Зеленый дракон кивнул. Малис подала отличную мысль, и ему не терпелось поделиться ею со своими сторонниками.

Через год Келлендрос стал правителем Северных Равнин, Хинтерлунда, Гаарлунда и Соламнийских Равнин, – одним словом, земель, омываемых Бурным океаном. Он мог бы завладеть и более обширной территорией, но на это ушло бы еще больше времени, а значит, потребовалось бы усилить дозор в новом царстве.

Он выбрал синего дракона поменьше, чем он сам, по имени Гем, чтобы тот присматривал за дальними границами его владений. Гем понимал, что лучше дружить с Келлендросом, чем попасть к нему в немилость, а потому верно служил своему господину.

Келлендрос проводил большую часть времени в попытках довести до совершенства своё синее потомство. Для этих кошмарных созданий он выбирал, лучших людских особей, а еще ему требовались Дракониды в качестве энергетической подпитки. Дракон долгие часы проводил в думах о Китиаре и о том, что в конце концов найдет способ ее вернуть.

Жителей Нового Берега очень волновала судьба их страны, климат которой стал непривычно сырым и влажным. Количество дождей заметно увеличилось, и земля не успевала впитывать столько воды. Многие селения и посевы оказа-

лись под угрозой затопления. Реки разлились, грозя смыть фермерские угодья. Климат становился все теплее, в воздухе носились тучи насекомых.

Не по сезону теплой осенью на морском побережье было еще жарче, чем летом. Да и сама береговая линия перемещалась. Воды узких бухт Нового моря между Новым Берегом и Блотенхельмом начали задыхаться от лилий. Жители побережья были вынуждены переселиться в глубь страны.

Обеспокоенный всем этим, серебряный дракон решил выяснить, в чем дело, и принялся облетать свои владения. Однажды он снизился в полете над зловонным болотом, которого в этом месте не было еще несколько недель назад. Сделав еще один круг, дракон приземлился на краю топи. В ста ярдах от него росла небольшая рощица, а между двумя огромными ивами начиналось камышовое болото, растекшееся до самого горизонта. Деревья здесь стояли и раньше, но толстые ползучие растения и мох, свисавшие с их ветвей, появились совсем недавно. Корни деревьев были погружены в гнилую воду.

Серебряный дракон никак не мог вспомнить этой камышовой топи, возможно, потому, что был не очень хорошо знаком со здешними местами. Над стоячей водой и мокрыми корнями деревьев зависла туча moskitov. Толстая довольная лягушка, которая, видимо, только что вывалилась в грязи, скосила взгляд в сторону дракона.

– Как здесь сыро, – начал дракон. – Слишком сыро для

этого времени года.

Его речь больше походила на хрюканье и кваканье. Серебряных драконов отличало умение разговаривать со множеством живых существ, и этот молодой дракон с удовольствием болтал с различными животными, часто черпая из этих бесед что-то полезное для себя. В отличие от людей и некоторых знакомых ему драконов животные не лгали.

– Для меня не бывает слишком сыро, – утробно проквакала лягушка, и дракон ее отлично понял.

Влажно. Тепло. Вдоволь насекомых. Чудесно.

– Но все это началось не так давно.

– Меньше одной луны назад, – ответила лягушка.

– Меньше месяца, – прошептал дракон.

– Так будет всегда, – добавила лягушка. – Вечная сырость.

Серебряный дракон чуть приблизил к ней голову. – А что ты скажешь насчет воды?

– Хозяйка любит воду и жару. Восхитительную жару.

– Какая хозяйка?

– Она вызывает дождь. Это она делает землю твердой, так что дожди остаются на поверхности, не просачиваются и никуда не убегают. Чудесные дожди.

– Кто эта хозяйка?

– Это я.

Голос, произнесший последние слова, принадлежал не лягушке. Это был низкий, густой женский голос, донесшийся с мохитной топи.

– Ты вторгся на чужую территорию.

Дракон медленно обернулся и прищурился. Вглядевшись в глубину рощицы, затянутой мхом, он увидел пару больших желтых глаз, поблескивавших у земли сквозь облако москитов.

Серебряный дракон отполз от лягушки и приблизился к топи.

– То, что ты здесь творишь, противоприродно и очень дурно, – наставительно произнес серебряный дракон. – Земля не должна быть такой. У тебя нет права ее менять.

– Это моя земля, весь Новый Берег и Блотенхельм.

Серебряный дракон просунул голову под завесу лиан, чтобы лучше разглядеть говорившую. Посреди болота возлежала черная драконица. Над затянутой камышом водой торчал лишь гребень на ее голове да виднелась пара блестящих глаз.

Внезапно ближайšie к серебряному дракону лианы начали извиваться, как змеи. Повинуясь беззвучному приказу черной драконицы, они обхватили голову дракона, плотно прижав друг к другу его челюсти и обернувшись вокруг шеи. Из воды поднялись корни деревьев и обхватили его лапы.

Серебряный дракон начал сопротивляться. Он был необыкновенно силен, и лианы не могли его остановить. Но в тот миг, когда он разорвал путы, из болота поднялась черная драконица и выплеснула ему в морду струю кислоты.

Едкая жидкость, пузырясь, зашипела, и серебряный дракон свернулся в кольцо от боли и неожиданности. Дракони-

ца продолжала наступать, снова дохнув на противника кислотой, отчего чешуи на голове серебряного начали плавиться. Она ринулась вперед и ударила боком в ствол дерева. Ива застонала и, подломившись, рухнула прямо на серебряного дракона.

Тот кинулся бежать, черная драконица пустилась вдогонку. Теперь, на свету, серебряный как следует ее разглядел. Тело ее покрывали толстые черные чешуи, переходившие, в заостренные темно-синие пластины на животе и подбородке у нее были гладкие крылья цвета ночного неба, а из гребня над узкими глазами поднимались два светлых рога, угрожающе искривленные у самых кончиков. Время от времени драконица как змея, быстро высовывала язык, и слюна с шипением капала на траву.

Она была чуть больше серебряного дракона и в честной битве вряд ли одолела бы его, но сейчас она получила преимущество, которое стремилась сохранить. Следующая кислотная струя оросила передние лапы дракона. Тот поднялся на дыбы и, открыв пасть, приготовился мстить. Резко втянув воздух, а затем выдохнув, он выпустил струю ртути. Но черная драконица была чересчур проворна и успела кинуться вперед, под его брюхо.

Когти и зубы неумолимой противницы пробили зеркальные чешуи, она выпустила еще один поток кислоты, который залил свежие раны. Дракон согнулся пополам, извиваясь, а черная драконица не теряла времени, чтобы прикончить его.

– Я – Онисаблет, – прошипела она у самой его морды, а затем всадила рога прямо под его глазницы. – И это мое царство.

Шесть лет спустя население Южного Эргота, островного континента протяженностью шестьсот миль с севера на юг и почти столько же с запада на восток, тоже вынуждено было испытать перемены в климате, и все из-за одного пришельца.

На протяжении всей своей истории Южный Эргот гордился необычайно разнообразным климатом. Теперь там было постоянно холодно. Снег покрыл пустынные равнины на севере острова, окутал старые леса и горы. Луга и озера оказались под толстым слоем сверкающего льда. Глубокие воды залива Тьмы, задохнувшись под тяжестью снега и льда, вместе с окаймлявшим их побережьем превратились в сплошной ледник. В Алгонийском Проливе и Сиррионском море появились айсберги, угрожавшие судоходству.

Пришла зима, и пришла она навечно, и все из-за того, что дракон-правитель Южного Эргота, Геллидус, был неравнодушен к холоду. Почти целый год Геллидус перекраивал страну по своему вкусу. Особенно ему нравился глубокий слежавшийся снег, по которому можно было скользить с головокружительной скоростью. А еще он восторгался высокими сугробами, где можно было прятаться и поджидать ничего не подозревавшую жертву. Для него ледяной ветер был все равно что ласка возлюбленной, а завывающий вихрь,

мчавшийся со склона горы или по замерзшему озеру, – слаще поцелуя.

Дракон получил прозвище Фрост, что означало «мороз». Огромное белое животное с блестящей чешуей и гладкими, как промасленная кожа, крыльями, чуть голубоватыми по краям. Голову его венчал заостренный панцирь.

Последние несколько месяцев Геллидус только тем и занимался, что менял по своему вкусу климат, поедая тех драконов, которые осмеливались ему перечить. Кроме того, он не брезговал и эльфами различных племен, хотя, чтобы насытить свое бездонное брюхо, ему приходилось глотать их целыми толпами.

Великаны-людоеды и гоблины переселились в горы – вернее, горные пещеры и углубления, куда не смог бы пролезть огромный белый дракон. Эльфы стремились по возможности покинуть этот край. Те же, кто остался, забились по щелям, изо всех сил стараясь приспособиться к новым условиям.

Южный Эргот перестал быть суверенным государством, где различные эльфийские племена и квалинестийцы, и сильванестийцы, и Диковатые Эльфы – могли бы жить в мире и согласии. Большинство эльфов с дрожью и рыданиями бросили свои дома и были вынуждены бежать на запад.

С течением времени численность драконов на Крине существенно сократилась. Их осталось несколько десятков –

все огромные, грозные, невероятно сильные, строго охранявшие свои владения. Выжили и несколько мелких драконов, в основном те, кто умел прятаться от своих больших собратьев и не желал претендовать на их территории.

Одним из таких драконов был Бринсельдимер. Когда-то он жил в бурных водах Кровавого моря, но затем захотел владеть Димернести – подводной страной морских эльфов. Он и сам был старым морским драконом, прожившим более четырехсот лет. Сине-зеленая, чешуя дракона давно потеряла свой радужный блеск; покрытая слоем темных ракушек, она больше не топорщилась и не сверкала. На голове у него росли извилистые рога, а когда он отдыхал на дне морском, то был похож на острый коралловый риф. Драконий хвост, тонкий и гладкий, как у морской змеи, имел заостренный кончик, которым дракон часто протыкал насквозь больших рыб, а иногда даже чересчур любопытных морских эльфов.

Бринсельдимер когда-то давно покинул северные моря из чувства самосохранения. Он хотел избежать стычек с большими драконами, переселившимися туда и начавшими отвоевывать территорию. Он боялся тех, кто был крупнее его или даже равных ему размеров. Не отличаясь особым умом и ловкостью, он не желал пасть жертвой хорошо спланированной атаки.

А вот эльфы Димернести, обладатели голубой кожи, особой угрозы для него не представляли, да и на вкус он не находил их особенно приятными. Однако время от времени они

покидали свои домики с коралловыми башенками, собирались в отряды, вооружались и шли на него стеной. Дракон глотал их, потому что не знал, что еще с ними делать.

Те эльфы, что пытались доплыть до берега и обратиться за помощью к своим наземным собратьям из племени Сильванести, погибали, раздавленные в лепешку пятой дракона. В конце концов эльфы Димернести поняли, что им лучше не высовываться из своих домов, где они и оставались словно в тюрьме. Дракон, которого они окрестили Брином, обычно не тревожил их, если они первыми не лезли на рожон.

Находясь в изоляции, эльфы не подозревали, что и в других концах Крина драконы захватывают земли и мучат людей, что все последние годы драконы присваивают себе огромные территории и перекраивают их по своему вкусу.

Морские эльфы, жившие словно в карантине, не знали, что во многих других местах людям и эльфам приходится гораздо тяжелее. Они также не ведали, что Бринсельдимер без усталости топил корабли, подплывавшие слишком близко к его владениям, и не допускал никаких пришельцев, следя за тем, чтобы морские эльфы оставались в своих подводных поселениях. Он проглатывал и другую разумную морскую живность, в частности выдр, поскольку эльфы Димернести могли принимать их обличье.

А еще эльфы не знали, что дракон делал все это для того, чтобы скрыть свое присутствие. Хотя Бринсельдимер был далеко не самым умным из крупных драконов Крина, он по-

нимал, что, если не хочет стать объектом охоты своих собратьев, не должен позволить им обнаруживать его. А для этого ему требовалось держать свое присутствие у этих берегов в тайне.

Через двадцать лет после того, как Малис поделилась своим секретным планом с зеленым самцом, другая огромная зеленая драконица переварила эту полезную информацию (а заодно и несчастного самца) и начала отвоевывать собственную территорию. Звали ее Бериллинтранокс, а к тому времени, как она погубила более двух десятков драконидов своим ядовитым дыханием, она также получила прозвище Зеленая Угроза.

Ей принадлежала Харолисова Пустошь, омываемая водами залива Ледяной Горы и Сиррионского моря. Все свои силы она тратила на то, чтобы выгонять из нор драконидов и высиживать синих и медных драконов, предпочитавших сухие земли Харолисовой Пустоши. Драконица без устали преобладала свои владения, создавая благоприятную среду для лесов и рек в тех местах, где прежде росли редкие чахлые заросли сорняков.

В конце концов она добралась до северной границы, пролежавшей вдоль Квалинестийского Леса; там она добавила к списку своих побед трех молодых латунных драконов и подкрепила эльфийским дозором.

Берилл постепенно увеличивалась в размерах, станови-

лась все сильнее и воинственнее и за три года сумела завоевать земли эльфов Квалинестии и стать правительницей этого края.

Владения Малис включали Кендермор, Балифор, Кхур и Зеленые Равнины. Впрочем, равнинами их уже нельзя было назвать: драконица соорудила массивный горный хребет, протянувшийся с севера на юг, чтобы окружить страну кендеров. Густые леса поредели: слишком много она охотилась и чересчур рьяно перекраивала свое царство.

Логово драконицы, Пик Малис, располагалось к югу от города, именовавшегося Устричный. Она устроила его на высоком плато, окаймленном со всех сторон острыми скалами. Там Малис встречалась с другими драконами-правителями, и они рассказывали друг другу о своих победах. Малис особенно интересовали человеческие существа, с которыми сталкивались другие драконы. Ей хотелось узнать о них все – их потребности и страсти, слабости и недостатки.

– Наступил Век Драконов, а вовсе не Век Смертных, – шипела красная гигантша Келлендросу. Синий дракон явился сюда в ответ на ее призыв, но только из любопытства, а не из уважения. – Смертным магия не по зубам.

– Зато нам она вполне по силам, – перебил ее Келлендрос. – Мысами рождены магией, и потому нас она никогда не покинет. Наоборот, мы становимся все сильнее.

Синий дракон внимательно смотрел на нее, словно изу-

чая. На секунду Малис заподозрила, что он догадывается, кто именно посеял рознь между драконами. А вдруг он знает, что драконам совсем ненужно убивать друг друга или драконидов, чтобы сохранить магическую силу и утвердить свою власть на Крине? По мнению Малис, Скай был умен, но не настолько, чтобы раскусить ее. Нет, не может быть, чтобы он обо всем догадался.

– Настало время нанести удар, – тихо прорычала драконица, – пока люди слабы и не могут нам противостоять. Сейчас они не смогут победить нас, как сделали это несколько десятилетий назад. Мы обязаны поработить их.

Келлендрос продолжал внимательно вглядываться, в нее несколько секунд. Наконец он кивнул огромной головой.

– Настало время нанести удар, – согласился он.

Совет магов

– О чем ты думаешь? – раздался за спиной Палина тихий женский голос. Он в это время стоял у окна и смотрел куда-то вдаль, за пределы Вайретского Леса.

– Пытаюсь отгадать, чем ты занималась в этот чудесный день, Аша.

– Ты ужасный лгун, муж мой. – Она опустила нежную руку ему на плечо, и он медленно повернулся к ней.

Три десятка лет, миновавшие после Войны с Хаосом, почти не сказались на Аше Маджере. Ее длинные волосы по-прежнему блестели и не изменили цвета с того дня, когда она впервые увидела Палина. Фигура была все такой же стройной и кружила головы мужчинам вдвое ее моложе. А если на лице и появилось несколько морщин, то лишь около золотистых глаз, и заметны они становились, только когда Аша улыбалась.

Хотя в последнее время улыбаться ей доводилось не часто. Она знала, что Палин встревожен. Он почти перестал спать. К нему вернулись прежние кошмары, и он часто просыпался весь в поту, но говорить об этом отказывался.

Возраст и заботы наложили свой отпечаток на внешность Палина Маджере: в его длинных, доходивших до плеч каштановых волосах появились серебряные пряди. Прожитые годы отложились морщинами на лбу и красивом лице и слег-

ка замедлили его походку. Однако годам не удалось сгорбить Палина или притупить его ум, и решительности в нем тоже не убавилось.

Палину было за пятьдесят. Он по-прежнему носил длинные одежды цвета слоновой кости – носил с того самого дня, когда его выбрали главой Ложи Белых Одежд. Он до сих пор часто вспоминал дядю Рейстлина, самого могущественного мага Ложи Черных Одежд, когда-либо ступавшего по земле Крина.

Теперь, когда магия исчезла – и, видимо, навсегда, – Палина терзали разочарование и чувство собственной ненужности. Последние четыре года он исполнял обязанности главы Совета Магов, но ничего не изменилось. Маги не могли сотворить даже простейших чудес, и в их распоряжении имелось всего лишь несколько волшебных предметов. Эльфы Квалиности крайне нуждались в каком-нибудь магическом средстве, чтобы противостоять могущественной драконице – повелительнице драконов Берилл, а чародеи ничего не могли им предложить.

– О чем ты на самом деле думаешь? – не отступала от своего Аша.

Палин протянул руку и намотал на палец прядь ее мягких волос. Потом он отпустил локон и дотронулся до лица Аши. Этим утром от нее пахло сиренью, и он глубоко вдохнул сладостный аромат.

– Я думал о драконах, – наконец произнес он.

– Ты всегда думаешь о драконах.

– В последнее время мне трудно думать о чем-либо ином.

Я должен что-то предпринять, прежде чем положение ухудшится. Но просто ума не приложу, что я могу сделать. Как мы с другими чародеями ни старались, результата никакого, и усилий наших никто не заметил.

Аша отступила и уперлась кулачками в бока. – Я тоже боюсь драконов, Палин Маджере. Но ты не можешь отвечать за судьбу Крина. В последнее время ты почти не спишь. И ранним утром, и поздно ночью все думаешь, изучаешь. Я за тебя волнуюсь.

– Со мной все нормально.

– Скоро будет не нормально, если ты и впредь намерен так жить.

– Мне многое нужно успеть. Недавно я открыл, как...

– Что бы это ни было, на один день ты можешь отложить свои дела, – настаивала Аша. – Всего один день. Мы пообещали отобедать с нашими детьми. А о внуках ты забыл? Мы ведь дали слово. А завтра ты сможешь...

Палин поморщился:

– Я хочу их видеть. Правда хочу, – начал он, в его голосе послышалось смятение. – Но нам придется пообедать очень быстро. И, к сожалению, за стол мы сядем поздно. Сегодня мне предстоит одно неотложное дело.

– Палин! – возмутилась жена.

– Палин, прозвучал чей-то низкий голос, мы готовы.

Аша поджала губы и уставилась на мужа.

– Если бы только мне не приходилось делить тебя с драконами и этой Башней, – слегка раздраженно произнесла она, – если бы только не нужно было делить тебя с теми... людьми. – Она указала пальцем за плечо, туда, где стоял мужчина в серебристых одеждах, пряча лицо под капюшоном.

Палин нежно заключил жену в объятия:

– Это ведь я созвал Совет. Они пришли, потому что я попросил их. – Он коснулся губами ее лба. – Мне нужно идти.

Они собрались в зале на самом верху Вайретской Башни. Палин занял место во главе длинного стола из черного дерева. Клонившееся к закату солнце тепло поблескивало на отполированной столешнице.

По правую руку от Палина восседал маг в серебристых одеждах, который выглядел лет на тридцать, немного старше сына Палина, Алина. Но Палин подозревал, что на самом деле этому магу больше лет, чем ему самому. Из широких рукавов чародея высовывались руки в черных перчатках, он водил пальцами по завиткам на столешнице. Капюшон был отброшен, открывая безукоризненно гладкое лицо.

– А я надеялся, Маджере, что на ваше приглашение откликнется больше кудесников, – произнес он. – Ведь этот Совет вполне может оказаться последним.

Все знали его как Хозяина Башни. Он был не только Хранителем Вайретской Башни, но еще и таинственной лично-

стью. Никто не мог вспомнить, что видел его до Войны с Хаосом.

– Некоторые сослались на срочные дела, другие заявили, что у них просто нет возможностей добраться сюда, – произнес человек, сидевший слева от Палина. Его звали Темным Чародеем. Невозможно было понять, кому принадлежит голос – мужчине или женщине, – поскольку он звучал из-под металлической маски с прорезями для глаз, закрывавшей все лицо. Говоривший был худощав, одет во все черное. Капюшон словно проглотил бесстрастное металлическое лицо, выглядывавшее из глубины. – Но я полагаю, остальные чародеи не прибыли потому, что потеряли веру в еще остающиеся у нас магические силы. Такое впечатление, что больше никто не изучает магию. Ученики стали редкостью. И драконы уничтожили заклинателей, осмелившихся им противостоять.

– Мне кажется, мы все запуганы драконами, Заявил Палин.

– Ничего удивительного, – кивнул Хозяин Башни.

– Тогда наш Совет не имеет никакого смысла – Темный Чародей отодвинулся от стола так, что ножки стула заскрипели по каменному полу. Я сомневаюсь, что драконов можно остановить. У нас, во всяком случае, нет средств этого добиться.

– Но драконов осталось так мало. По крайней мере по сравнению с тем, сколько их было до Войны с Хаосом... и

до того, как они начали истреблять друг друга, – проговорил Хозяин.

– Готов поспорить, их так называемая Битва подходит к концу, – подал голос Темный Чародей. Сгорбленные плечи мага выдавали его преклонный возраст и, быть может, отчаяние. – Но те, кто уцелел и с кем нам теперь приходится иметь дело, самые хитрые. Смертоносные. Возможно, непобедимые.

Палин вздохнул и молча взглянул на своих собеседников.

– Вас снова посетили видения, – догадался Хозяин.

– Огромный синий дракон, которого я видел в своих снах, тот же самый, что и раньше. Наверняка это Келлендрос, – сказал Палин. – Если бы кто-то не разрушил Башню Высшего Волшебства, 'дракон ее захватил бы вместе со всеми заговоренными вещами, хранившимися внутри, и натворил бы неизвестно чего. Может быть, сегодня уже не было бы никакого Палантаса.

– Да, несомненно, дракон мог бы воспользоваться магией Башни, обратив ее против кого-нибудь, согласился Хозяин.

– А вы в своих снах не видели красную драконицу, что живет на востоке... Малистрикс? Или другого какого дракона? – тихо поинтересовался Темный Чародей.

Палин покачал головой:

– Нет, только синего. – Он глубоко вздохнул и провел рукой по волосам. – Он где-то рядом с Палантасом, но к городу не приближается уже тридцать лет, с того самого дня, когда

была разрушена Башня. Но до тех пор, пока я не разберусь в своих видениях и не пойму, что задумал дракон, давайте обсудим другие неотложные дела.

– Вы хотите, чтобы мы поговорили о вашем открытии, Маджере? – спросил Хозяин.

– Да. Полагаю, оно может помочь в нашей борьбе с драконами. – Палин поднялся, опершись руками о стол. – Кажется, мне удалось овладеть магическими заклинаниями.

– Разве такое возможно? – В голосе Темного Чародея слышалось недоверие.

– Я непрестанно думал о том, как бы вернуть на Крин магию. Не хотелось верить, что она исчезла навсегда. А потом, в один прекрасный день, меня осенило: что если я, именно я смогу этого добиться... если магия лишь на время исчезла из нашей жизни?

– Мы все желали того же. Мы все пытались, сказал Хозяин.

– Да, но мы всего лишь пытались творить волшебство, прибегая к давно известным нам всем приемам. А Крин за последние тридцать лет очень изменился. Мы все время применяли приемы Высшего Волшебства, подаренные нам Богами тысячу лет тому назад, но этих Богов с нами больше нет, как нет и их помощи. Поэтому нам, конечно, не удастся использовать магию Крина, применяя старые привычные способы.

– Магия Крина, – закивал Темный Чародей. – Вот именно!

Она все еще здесь, в нашем мире, природная магия, которая пронизывает Кринн, магия самого Крина.

– А как к ней прибегнуть без записанных в книгах или выученных наизусть заклинаний? – спросил Хозяин Башни, подавшись вперед.

– Найдите иной, новый способ! – с жаром проговорил Палин.

Его собеседников, казалось, обидели эти слова, и они оба откинулись на спинки стульев.

– Я имел в виду, что вы должны проникнуть в магию Крина своим путем, создать собственные неповторимые заклинания, – тихо пояснил Маджере.

– Если магию чувствуешь, твои заклинания всегда будут неповторимыми и действенными, – заметил Темный Чародей несколько резковато, что удивило Палина.

Все трое смотрели друг на друга несколько минут, ничего не говоря, и только ветер свистел на крутой лестнице, которая вела в зал.

– Эта новая магия, о которой вы говорите, никогда не сравнится по своей силе с прежним волшебством, – с сожалением заметил Хозяин.

Палин неохотно согласился:

– Ваша правда, она не такая действенная, по крайней мере сейчас.

В зале снова повисла тишина.

– А что если попробовать извлечь энергию из магических

артефактов для усиления заклинания? предложил Темный Чародей.

Палин улыбнулся и закивал, теперь его идея казалась ему еще более убедительной. Но улыбка его померкла, когда он увидел обеспокоенное выражение лица Хозяина Башни.

– Если удастся поддержать заклинание, истощив силу магического артефакта, то никто не должен будет узнать об этом.

Палин бросил на него недовольный взгляд;

– Как можно такое хранить в тайне!

– Можно! – возразил Хозяин. – Сохранить тайну – самое лучшее. А вы что предлагаете, Маджере, – открыто объявить сезон охоты за самыми ценными реликвиями Ансалона? У нас всего лишь родилась идея. Кто знает, сработает ли она? А вы что скажете?

– А мне нужно немного подумать, – спокойно заявил Темный Чародей.

Палин тяжело опустил на стул.

– Давайте теперь сосредоточимся на том, что мы можем сделать.

– Вот это правильно, – сказал Темный Чародей. – Эта новая магия должна явиться для драконов совершенной неожиданностью. Я предлагаю разработать нападение на Берилл.

– Ваше рвение похвально, но вам не кажется, что нужно для начала научиться творить заклинания? – спросил Хозяин.

ин.

– у эльфов труднейшее положение. Это одна из причин того, почему мы здесь собрались, – ответил Темный Чародей.

Обсуждение затянулось до позднего вечера, и все сроки, в которые Палин мог успеть на обед к своим детям, в конце концов миновали. Аша отправилась туда одна, шепча, что все понимает и что Линша и Алин тоже поймут.

В ту ночь Палин так и не заснул. Его бессонница была вызвана скорее приподнятостью духа, чем тревогой. Хозяин Башни объявил, что их собрание является Последним Советом Магов, и велел Палину распустить все прежние Ложи и открыть школу для обучения новому волшебству. А еще на Совете было рашено, что, поскольку у них недостаточно сил для уничтожения Берилл, они попытаются ее прогнать. От того, удастся ли им победить зеленую драконицу, зависело будущее всего народа эльфов.

Наконец у Палина появилась возможность хоть что-то предпринять. Его переполняла не только радость, но и чувство одиночества, усиленное сознанием огромной ответственности. Куда подевались все добрые драконы? Где латунные и бронзовые, золотые и серебряные, где, наконец, медные драконы? Где те, кто в прошлом всегда помогал людям?

Палин мысленно перенесся на несколько десятилетий назад, во времена Войны с Хаосом. Он сам видел, как синие

драконы летели рядом с золотыми, некоторые с рыцарями на спинах, другие без них, и все они были объединены под одним знаменем. Да и не было тогда, насколько помнил Палин, никаких злых драконов. Были только драконы-войны, сражавшиеся ради спасения Крина. В той войне погибло больше людей, чем драконов. Соламнийские Рыцари и Рыцари Такхизис, сражаясь боко бок, позабыли о данной ими когда-то присяге. А когда битве пришел конец, павших рыцарей, прежних врагов, похоронили рядом в могиле как героев.

«Крину нужны новые защитники, – думал Палин. – Если действительно настал Бек Смертных, то им предстоит вернуть свои земли. Возможно, Золотая Луна поможет найти таких защитников».

Драконьи слёзы

– Они похожи на скот, – презрительно заметила Малис.

– Люди? – спросил Келлендрос.

Красная драконица кивнула:

– А еще эльфы, гномы – вся эта братия. Даже кендеры. Особенно кендеры. Этакие милашки с крошечными копьями, дерзкими ухмылками и бесконечной, невыносимой болтовней. Я отобрала у них земли, а они даже не пытались меня остановить.

Малис растянулась на животе возле своей горной пещеры близ Устричного, позволив солнцу греть ее чешую. Драконица прикрыла веки и начала тихо рычать от удовольствия. Она обожала жару. Напротив нее сидел Келлендрос.

– Некоторые из них вдохновляют на великие дела, – начал он, – во всяком случае некоторые люди.

– Ты слабак, раз так думаешь, – прошипела красная великанша.

– Я мудр, раз так думаю, – огрызнулся Келлендрос. – Людям и их союзникам и раньше удавалось изгонять с Крина драконов. Не стоит относиться к ним свысока.

Малис приоткрыла один глаз, молча призывая его продолжить.

– Этот мир пережил три Драконьих Войны, даже четыре, если считать последнюю, – пояснил синий каждая из них

была для нашего племени славной и... пагубной. В Первую Войну, случившуюся почти четыре тысячи лет назад, эльфы попытались изгнать нас с земель, которые почему-то считали своими. Но то были наши земли, и мы обязательно победили бы, если бы не Боги магии, которые помогли эльфам, подарив им целую пригоршню заговоренных камней. Эти камни вытянули из драконов все силы, пленив их души, а потом эльфы спрятали камни в недрах высочайших гор Крина. Ослабевшие драконы были изгнаны из этого мира.

– Но они вернулись, – проурчала Малис.

– Вторая Война случилась почти через тысячу лет после Первой. Камни закопали в Халькистовых горах, где добывали руду один гномий клан. Вообще то гномы не доверяют магии, поэтому, когда, прорыли новый туннель, они оказались в подземелье, где хранились камни, и почувствовали исходящую от них волшебную силу, они просто-напросто взяли и выбросили их на поверхность. Гномы решили, что таким образом защитят себя и свой рудник.

– Вернув драконов? – спросила Малис, открыв оба глаза от изумления.

Келлендрос кивнул:

– Ничего не подозревавшие гномы освободили драконов. Те собрали бесчисленную армию людей-ящериц, прозванных бакали, и вторглись в леса Сильванести, чтобы отомстить эльфам. От вековых деревьев полетели щепки, а эльфы понесли огромные потери. Драконы надеялись уничто-

жить их расу целиком, истребить всех эльфов до единого. И они могли бы это сделать. Должны были сделать. Но этому снова не суждено было сбыться.

– Что случилось? Ты там был?

– Нет. Я тогда еще не родился. И подозреваю, что ни один из тех драконов, что обитают на Крине сейчас, в те времена не жил, за исключением нашей Королевы, Такхизис, – ответил Келлендрос. – Но все драконы... все драконы Ансалона... знают эту историю и передают ее друг другу из уст в уста. Я все это рассказываю тебе затем, чтобы ты лучше понимала своих соплеменников.

– Продолжай, – велела драконица.

– Тогда три самых могущественных чародея собрали все свои силы, повелев, чтобы земля поглотила драконов на веки вечные. Драконы не были похоронены заживо, но потерпели поражение и снова попали в изгнание. А самодовольные, глупые эльфы снова заняли наши земли.

– Но ведь драконы сумели вновь обрести силу, – сказала Малис.

– Да Такхизис не могла смириться со сложившимся положением дел. Она призвала к себе людей-ящериц и с их помощью закопала яйца в подземельях Торадина. Когда из яиц вылупились молодые дракончики, они тут же проглотили своих охранников. Несколько веков драконы прятались в шахтах, пока не обрели достаточно сил, чтобы нанести удар по врагу во имя Владычицы Тьмы. Так началась Третья Вой-

на, самая кровопролитная и самая смертоносная из всех. Человеческой расе тогда с трудом удалось выжить. На людей обрушивалась одна армия драконов за другой, неся с собой огонь, молнии, кислоту, яд и холод. Победа должна была остаться за нами, но тут вмешались добрые драконы, вездесущие серебряные и золотые твари. Люди выковали волшебные Копья и, восседая на спинах своих союзников-драконов, принялись сражаться против нас. В конце концов Такхизис была повержена. Она согласилась покинуть Крин, забрав своих детей с собой.

– И это случилось...

– Через полторы тысячи лет после Второй Войны, которая произошла более двух с половиной тысяч лет тому назад.

– Давненько, – заметила Малис.

– Для истории – не так давно. Как и для драконов.

Красная драконица фыркнула и сердито дернула хвостом. Она не терпела возражений.

– А драконы...

– Вновь пробудились к жизни примерно четыреста лет тому назад. Такхизис обнаружила Врата и вернулась в этот мир, чтобы повелевать нами. Я был там. – Келлендрос на мгновение умолк, раздумывая, не догадается ли Малис, что он выглядит гораздо старше и страшнее, чем полагается четырехсотлетнему дракону. Но потом он решил, что скорее всего Малис ничего не знает о Вратах и о том, как течет между ними время. Она явно не разбиралась в возрасте и разме-

рах Ансалонский драконов.

– Что же дальше? – не унималась драконица.

– Впоследствии мы заключили соглашение с великанами и отщепенцами из числа людей, без угрызания совести убивавшими себе подобных. Армия Владычицы Тьмы росла, появились Драконида, и наконец мы завладели землей безраздельно. – Келлендрос уставился в какую-то точку, унесясь мыслями в далекое в прошлое. – То время прозвали Войной Копья. Оно было не похоже ни на какое другое. Повелители Драконов, избранные представители людского племени, наделенные военной смекалкой, вели нас в одну славную битву за другой. Сидя на наших спинах, они помогали нам побеждать своих собратьев.

– Ты спелся с человеком? – Она выплюнула последнее слово, словно кусок протухшего мяса.

– Китиара, – тихо, почти благоговейно произнес Келлендрос.

– И где она сейчас, эта Ки-ти-а-ра?

– Людские тела недолговечны.

– Вот и я о том же, – прошипела Малис.

– Зато у некоторых людей необычайно острый ум, – продолжал Келлендрос. – В разгар битвы один человек, тоже маг, пожертвовал собой, чтобы запечатать Врата Бездны... в которой осталась Владычица Тьмы. Люди заново отстроили свою жизнь, а мы, драконы, остались на задворках.

– Но мы давно уже вышли из тени. А люди лишились ма-

гии, – прорычала Малис. – Нет у них ни Богов, ни волшебной силы. Самый настоящий скот. И у меня есть на их счет особые планы.

Теперь настала очередь Келлендроса слушать. Огромный синий дракон взглянул в глаза своей собеседницы и увидел в них нечто похожее на насмешку.

– Некоторых из них я посажу в загоны, – начала Малис, – точно такие; в каких они держат скот. Они начнут размножаться, давая нам постоянный источник пропитания. Люди, эльфы, гномы – одним словом, все. – Малис внимательно посмотрела на Келлендроса, проверяя, не придет ли он в ужас. Но тот даже ухом не повел, и красная драконица, довольная этим, продолжила: – Самых смышленных и покорных я буду использовать в качестве шпионов. Я хочу знать, что происходит в их городах, и мне это станут сообщать преданные доносчики, которых я сама воспитаю.

Синий дракон лениво поскреб когтём нижнюю челюсть:

– Предупреждаю: люди не дураки. Не многие согласятся сотрудничать с тобой.

– А мне и не надо многих. Но те, кто посмеет противоречить, сложат голову. – Малис приподнялась, так что ее глаза оказались вровень с мордой Келлендроса. – Сотни, тысячи людей все равно должны погибнуть. Численность людского населения нужно сократить. Людей следует держать под пятой. На этот раз людишкам не удастся прогнать нас с Крина, мы просто не дадим им шанса сделать это.

Келлендрос молча взирал на нее. Ее стремление к власти произвело на него впечатление и в то же время заставило встревожиться. Малис была настроена решительно. Если ей удастся добиться господства над людьми, каким будет ее следующий шаг?

– Я нужна тебе, – прошипела драконица, прерывая его мысли. – Я нужна тебе как союзник.

– Да, мне бы не хотелось считать тебя своим врагом.

– А ты нужен мне, – продолжала красная исполинша. – Ты сильный и огромный, никто из драконов с тобой не сравнится. Вместе мы сможем захватить весь Крин, – вкрадчиво произнесла она. А когда настанет время, мы создадим новую расу драконов, которая будет владеть миром.

Келлендрос согласился с планом Малис. Летя к себе домой в пустыню, он припомнил свои слова: «Ни с кем другим на Крине я бы не стал объединяться. Я польщен, Малистрикс, тем, что ты выбрала меня в качестве союзника для осуществления своих планов.

Заклучив договор, он покинул красную драконицу, чтобы вернуться в Северные Равнины. Келлендрос не солгал Малистрикс. Никого на Крине он не мог считать своим союзником. Душа Китиары все еще была заточена в Серой, Драгоценности, так что на какое-то время в качестве соратницы для него сгодится и Малис. Безопаснее действовать заодно с нею, чем быть ее врагом. Драконица была жадной, амбици-

озной, корыстной и очень сильной – словом, обладала всеми качествами, которыми он восхищался, но она не была Китиарой. И никогда не смогла бы занять ее место.

– Я обязательно стану использовать людей как скот, Малис, – прошептал он, подлетая к самым высоким горам Нераки, – но совсем не так, как ты думаешь.

Почти все дни синий дракон проводил в своем логове, окопавшись в бескрайней пустыне Северных Равнин. Келлендрос применил опыт Малис и расширил свою пещеру. Теперь в ней было несколько подземных залов, где он держал людей – тех варваров, которых удалось выкрасть из деревень, рассыпанных вдоль Акульего Рифа.

Пленники смотрели на него перепуганными глазами. Они прекрасно понимали, что не следует заговаривать с ним, спрашивать, что их ждет, или дерзить. Люди гораздо умнее, чем ты полагаешь, дорогая Малис, – думал Келлендрос.

Дракон изучал пленников, исследовал их слабости и страхи. Он поставил себе цель натравить их друг на друга или довести до безумия. Создавая своих потомков, Келлендрос понял, что для его дела нужны только подлые душонки или полубезумцы. Люди, обладавшие сильной волей и добрыми сердцами, либо умирали во время его экспериментов, либо превращались в пустоголовых тварей, не способных понять простейшие приказы.

„Я все-таки найду способ преодолеть эту трудность, – думал дракон. – Я найду способ превращать в дракона любого

человека, кем бы он ни был по своей сути“.

К концу месяца у него уже был с десяток подходящих людских особей и злобный драконид-сивак, которому предстояло служить источником энергии во время превращения. Но вот слезу дракону никак не удавалось пустить, а слеза – частичка его самого – была необходима для завершения облика каждого из потомков.

Дракон метался по своему просторному подземному логову, думая о Китиаре, вспоминая ее смерть и тоскуя о собственной утрате. Его захлестывала печаль, но где-то в глубине теплилась надежда вернуть Китиару к жизни, подарив ей тело одного из синих потомков, и эта призрачная надежда не давала пролиться слезам.

Дракон произносил проклятия, которые грохотали в пещере, как гром, сотрясая стены. В его утробе рождался злобный рык, и только приглушенные крики пленников удержали дракона от того, чтобы изрыгнуть молнии.

Тяжело ступая по каменному полу, Келлендрос вышел на поверхность. Стояла ночь. Звезды подмигивали ему, словно насмехаясь. Песок под лапами был прохладным, земля успела отдать свое тепло, – видимо, час был поздний. Келлендрос понял, что потерял счет времени, и – с досадой завыл, а потом метнул в небо молнию и оглушительно зарокотал.

– Нет! – завопил он. – Я не потерплю поражения!

Он выплюнул еще одну молнию, на этот раз, послав ее

в чахлый кустарник, одиноким пятном маячивший на горизонте. Дракон погрузил лапы в песок и принялся копать, чтобы как-то усмирить свой гнев. Песчинки полетели во все стороны, словно подхваченные вихрем. Внезапно дракон замер, уставившись в вырытую яму.

– Песок, – прошептал он, – благословенный песок.

Широко раскрыв глаза, Келлендрос сунул морду в яму. Грубые песчинки сразу проникли – под веки, раздражая и царапая глаза. Дракон еще глубже зарылся в песок, так что уже едва мог дышать. Потом он наконец отпрянул, поднял морду к небу и обернулся к своему логову. Песок заставил глаза дракона увлажниться, вызвал слезы, в которых он отчаянно нуждался для создания потомства.

Келлендрос поспешил в подземный зал, бормоча слова заклинания, подслушанного во Вратах между мирами. Драконьи слезы, сверкая, брызнули на каменный пол.

Двенадцать синих потомков, выстроившихся перед Келлендросом, были первой его удачей. Их глазки злобно поблескивали в темноте пещеры. Между их черными как смоль когтями потрескивали маленькие молнии, существа слегка помахивали сапфировыми крыльями. Мелкая чешуя походила на темно-синюю кольчугу, которую смазали маслом. Тела у них были как у людей – широкие торсы, длинные ноги и мускулистые руки, – но вот головами они больше походили на рептилий, и у каждого от переносицы до кончика корот-

кого хвоста шел шишковатый гребень. Перепончатые лапы с когтями были похожи на лапы Келлендроса, только меньшего размера. Потомки раздували ноздри, энергично принимаясь ко всему вокруг.

Келлендрос привалился к дальней стене логова и внимательно их изучал. Он гордился ими, как любой отец гордится своим потомством. Но эти новорожденные вовсе не были милыми беспомощными малышами. Перед синим драконом стояли воины, готовые беспрекословно выполнить любой его приказ. Вскоре одному из них предстояло принять участие в возрождении Китиары. Вероятно, это будет тот, кто лучше всех проявит себя в бою.

– Скоро вас станет больше, – расчувствовался Келлендрос перед внимательными слушателями. Гораздо больше. Вы превратитесь во внушительную силу и станете хозяевами всей пустыни, а затем и величественного Палантаса. Вместе мы выкрадем у людей бесценные магические вещи – все их свитки, и мечи, и любые заколдованные безделушки. Мы соберем все эти предметы и заставим Врата открыться. Нас никто не остановит. Одно ваше появление должно испугать любое живое существо, которое...

Потомки дружно повернули головы направо, к входу в пещеру. Келлендрос заворчал и неохотно двинулся посмотреть, кто или что забрело в его обитель, в надежде, что это не Малистрикс. Дракон не собирался сообщать ей о создании потомков, к тому же ему хотелось утаить от нее свои планы,

связанные с открытием Врат и возвращением к жизни Кииары.

– Есть здесь кто-нибудь? – послышался слабенький голосок.

„Это не Малис, – подумал Келлендрос. – Но кто?“ – Он вглядывался в темноту, но, несмотря на свое острое зрение, видел лишь тени и какое-то слабое свечение.

– Можно к вам присоединиться? – От стены отделилась тень или, вернее, отвалился кусок камня. Камень покатился к Келлендросу, на ходу меняя форму. – Помнишь меня? – спросил камень, продолжая трансформироваться. – Я знаю, прошло почти тридцать лет с нашей встречи, но я льщу себя надеждой, что меня не так-то легко забыть.

– Трещина, – проворчал дракон. Это был тот самый подземный житель, что сновал возле каменного круга Врат. Он еще тогда объяснил Келлендросу, почему тот не сможет вернуться во Мглу. Синий гигант заревел, готовясь спалить дерзкого червяка, посмевавшегося вторгнуться в его логово.

– погоди! – закричал земляной колдун, разгадав намерение дракона. – Я пришел, чтобы помочь тебе.

Рык застрял в горле Келлендроса, готовый в любое мгновение вырваться наружу.

– Я все слышал. Дурная привычка подслушивать, – затахтел подземный житель. – Значит, ты все еще хочешь открыть Врата... спустя столько времени. Хотя для тебя, наверное, время не имеет значения.

– Наглец, – выплюнул Келлендрос.

– Может, оно и так, – продолжал человек, но я тоже, как и прежде, хочу открыть Врата. Ты правильно мыслишь, для этого нужно собрать всю магию воедино. Но тут не всякая магия сгодится у меня есть идея...

Келлендрос унял рык и, подвинувшись, позволил Трещине пройти в пещеру.

Призыв

Усыпальница располагалась в поле неподалеку от Утехи. Ее построили несколько десятилетий назад жители Ансало-на. Обычное сооружение, простое по замыслу и в то же время величавое и изящное, из черного обсидиана и полированного белого мрамора, привезенного гномами из горного королевства Торбардин.

Внутри покоились тела Соламнийских Рыцарей и Рыцарей Такхизис, павших во время сражения в Бездне. Их имена были высечены на камнях, составлявших внешние стены Усыпальницы, а кроме того, там значились имена рыцарей, чьи тела так и не удалось похоронить. Среди прочих здесь покоился Танис Полуэльф.

Внутрь склепа вели две двери изумительно тонкой работы. На одной из них, сделанной из чистого золота, была выгравирована роза, на другой, серебряной, – лилия. Над закрытым входом было искусно вырезано имя Тассельхофа Непоседы. Но тела кендера внутри не было: оно исчезло в Бездне, после того как Тас ранил Хаос и получил каплю крови, необходимую для спасения Крина. Любимое оружие кендера – хупак – вырезали рядом с его именем.

Вокруг Усыпальницы росли деревья, пересаженные сюда эльфами из лесов Сильванести и Квалинести. Когда началось строительство Усыпальницы, деревья были еще сажен-

цами, а теперь они выросли и могли выстоять в любую погоду, укрыв в своей тени многочисленных паломников, посещавших это святое место.

На нижних ступенях Усыпальницы лежали букеты цветов, начавшие увядать в этот теплый, безветренный день. Цветы здесь никогда не переводились, потому что их всегда приносили паломники. Сюда стекались эльфы, кендеры, гномы, люди и даже кентавры. И хотя все держались почтительно, редко кто предавался глубокой скорби. Это место, куда приходили не горевать или печалиться, а вспоминать и размышлять. Это место прославляло жизнь. Здесь собирались целые семьи – особенно семьи кендеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.